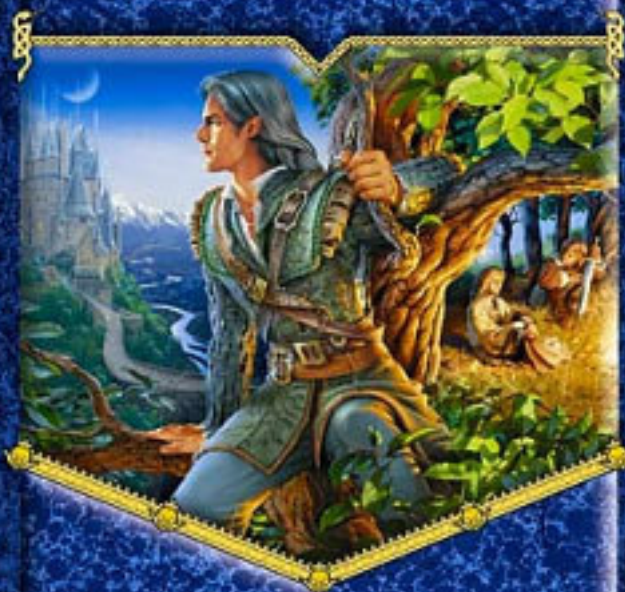

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Людмила АСТАХОВА

ДРУГАЯ РЕКА

Издательство Альфа-книга

Знающий не говорит

Людмила Астахова

Другая река

«Автор»

2007

Астахова Л. В.

Другая река / Л. В. Астахова — «Автор», 2007 — (Знающий не говорит)

Ланга распалась. Но как не войти дважды в одну и ту же реку, так невозможно лангерам вычеркнуть пятнадцать лет из жизни и вернуться к прежним отношениям. Нет места на родном острове волшебнику Мэду Малагану. Орк Сийгин так и не найдет сил простить невольных убийц своей матери. Торвардин не сумеет вписаться в подчиненную вековому укладу жизнь своих сородичей. Не сможет Ириен Альс пройти мимо тех, кто отчаянно нуждается в защите и помощи. Бывшим воинам Армии Судьбы не под силу повернуть время вспять, но и остаться равнодушными к чужим бедам они тоже не могут.

Содержание

Глава 1	5
Интерлюдия	20
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Людмила Астахова

Другая река

Глава 1

ТО, ЧТО ВАЖНЕЕ ВСЕГО

Поправимо все. Кроме смерти

Джасс, человек. Осень 1691 года

Черeda осенних праздников выбила Инисфар из обычной колеи, заставив и без того щедрых маргарцев впасть в подлинную вакханалию транжирства. Ну шутка ли, выдержать безумие Длинной ночи, плавно перешедшей в карнавал в честь Сайлориан – богини всех страстей, не спустив последнюю медную монетку на главной ярмарке года. Да что там базары! Игорные дома, ипподромы, бойцовские ринги собирали урожай денно и ночью, жизнь кипела в немыслимом котле многоликой азартной толпы. За несколько дней кто-то делал состояние, а кто-то терял все, что имел, в том числе и собственную жизнь. Золото и кровь текли по улицам Инисфара, как река, а над одержимым азартом, жадной наживы и зрелищ городом простерла свои руки Жемчужная Дева. Нигде в обитаемом мире не было более пышных, богатых и обширных храмов, посвященных Сайлориан, чем в Маргаре. Темпераментные маргарцы истово поклонялись собственным страстям, возводя их в божественный ранг под покровительством Вечной Девы. Ибо сказано: «Каждая страсть по природе животного происхождения, она есть грубая песчинка, которую только сила Девы превращает в «жемчуг» чувств». Во время же осенней ярмарки даже погрязшая в изощренном и роскошном разврате Даржа по сравнению с Инисфаром казалась обителью онгьенских монашек, укрощающих плоть целомудрием.

Каждый раз, переступая порог гостиницы, Джасс попадала в водоворот неистового отчаянного веселья, граничащего с истерикой. При желании можно было от зари до зари петь, танцевать, пить, есть и забыть обо всем. И не будь у бывшей хатами опыта разлук, не знай она доподлинно, что поправимо абсолютно все, кроме смерти, возможно, она бы поторопилась броситься с головой в приятное инисфарское забвение. Вот только есть ли смысл страдать и терзать себя обидами, когда от тебя мало что зависит?

Разумеется, можно громогласно роптать на судьбу, можно воздевать руки к небу и призывать богов к ответу. Можно, например, вспомнить, что ты еще маленькая девочка, а если уже и вышла из девчачьего возраста, то все равно: женщину полагается опекать и заботиться о ее безопасности. Но если быть до конца честной девушкой, то следует признать, что Джасс вовсе не нуждалась ни в заботе, ни в опеке. В друзьях – да, а в покровительстве – нет. Роптать на судьбу надо было начинать тоже несколько раньше. Лет эдак двадцать назад. Боги... боги неспешно занимались своими делами, не подотчетные никому. И если кто и мог помочь бывшей хатами, так это только она сама. По идее это должен уметь делать каждый, неважно, мужчина или женщина. Хатами, к слову, доводили до ума любой строптивой девчонки эту простую истину: либо ты всегда будешь оставаться игрушкой в руках любого, кто сильнее, в полной зависимости от капризов твоего очередного повелителя, либо никому не будет дана власть над твоим телом и духом. Главное – не жалеть себя, не оглядываться назад и ни о чем не сожалеть.

А посему Джасс не слишком удивилась и вовсе не обиделась на Яримраэна, который первым засобирился в путь, едва только успел простыть Альсов след. Повинную голову меч не сечет. Таковую голову тем более. Ах эти платиновые косы, синие очи, эта улыбка властителя сердец! Стоит совсем немного подхлестнуть воображение – и легко представить, как покорно ложится на высокое чело тонкий венец эльфийских королей... Н-да, жаль только, что такого не будет никогда. Или не жаль...

– Попытаешься вернуться в Фэйр?

– Я изгнан, ты забыла?

– А хотел бы?

Яримраэн в задумчивости потер переносицу:

– Хотел бы. Увидеть Альмарэ еще раз.

– И умереть?

– Нет. Вряд ли ее порадует вид моей смерти, – усмехнулся принц. – Если уж возвращаться, то только затем, чтобы счастливо и долго жить вместе с любимой.

– Какая она?

Джасс сотни раз пыталась вообразить себе далекую возлюбленную эльфийского принца. Какой она должна быть, чтобы Яримраэн спустя столько лет каждую женщину, с которой проводил время, пытался хоть раз назвать ее именем. Невообразимо прекрасная? Величественная? Мудрая?

– Она... – Ярим на миг прикрыл глаза. – Она стальной мотылек, и каждое ее крыло тоньше шелка и острее лезвия.

– А можно не так по-эльфийски?

– Можно. Альмарэ маленького роста, а глаза у нее такие же черные, как у тебя. Черные гладкие волосы, длинная шея, бледная кожа, чуть припухлые губы...

– Про мотылька у тебя получилось лучше, – вздохнула Джасс.

– По-вашему, она менестрель или бард. Сочинительница, одним словом, – сказал Яримраэн так, будто это объясняло все.

Смотреть, как он собирает вещи, тщательно укладывая на дно мешка чистое белье, рубашки и сверху всякие нужные мелочи, было больно, но Джасс не стала прятаться. Она сильная, ей предстоит утратить всех, к кому привязалось сердце за последний год. Надо уметь держать удар.

– Ярим, почему ты не попытался отговорить его? – спросила она после долгих колебаний.

Вопрос, который не мог не прозвучать. Но руки принца все равно нервно дрогнули. А говорят еще, что эльфам чужды сантименты и переживания.

– Я не имел права.

– Не понимаю...

Синий взгляд молил о молчании, а на самом деле о пощаде.

– Джасс, не проси меня...

– Нет уж, так не пойдет, – жестко заявила бывшая хатами. – Я приняла его выбор. Пусть будет так, как есть. А теперь я хочу знать, почему ты не сказал ни слова, почему сбежал из города? Ириен бы тебя послушал.

– Не послушал. Если Ириен решил, что его уход спасет вас всех от исполнения пророчества, то никто не сумел бы его отговорить. Даже сама Неумолимая.

– Ярим, я не такая дура, как может показаться со стороны. Пророчества Матери Танян всегда сбываются. Значит, кто-то из нас должен умереть. Не разумнее было бы остаться и попытаться вместе противостоять пророчеству?

– С его точки зрения – нет.

– Но разве Альсу не суждено пережить нас всех, вместе взятых? Меня, Тора, Сийгина, Парда, Малагана?

Яримразн усмехнулся.

– Все мы смертны. Но есть ведь разница – чтобы умереть от старости или во цвете лет пасть от нелепой случайности?

– Есть. До старости еще нужно дожить.

– Вот именно! Ты уловила самую суть. Альс своим уходом дал вам всем возможность дожить.

– До чего дожить? До глубокой старости? До следующей войны? До нового морового поветрия? И кто сказал, что Унанки убило пророчество, а не удар топором по голове?!

– А вот этот вопрос не ко мне. Я не Познаватель и отличить одну смерть от другой не могу при всем желании.

– Хорошо. Положим, он тысячу раз прав. Как Познаватель, как великий тактик и стратег, не знаю, как кто. Но почему теперь сбегаете ты?

Принц тяжело сглотнул и поглядел на Джасс почти затравленно.

– Однажды... давно он сказал мне, что вы... люди, слишком хрупкие существа, чтобы мы могли прикасаться к вам безнаказанно. Что рядом с нами вы умираете. И если мы... я... если я не могу защитить тебя, значит, я для тебя опасен.

– Что за чушь такая? Что ты мелешь?

– Он оказался прав. Тогда Альс оказался прав. И сейчас, я думаю, тоже. Тебе лучше быть среди своих, среди людей.

– Я снова не понимаю.

– Я тебе объясню.

1558 год. Сто тридцать три года назад

Цветастый фургончик весело катился по пыльной дороге, иногда подпрыгивая на особо крупных кочках. Впряженный в него осел выглядел ухоженным и сытым, флажки на закрепленных шестах по краям фургона трепетали на ветру и радовали взгляд яркими цветами. Завидев их издалека, детишки бежали со всех сторон, махали руками и кричали вслед что-то радостно-невнятное. В маленьких городишках всего-то и развлечений, что бродячие музыканты, да и тех не каждый год доводится увидеть. Фургончик знай себе катился, поднимая за собой тучи красно-коричневой пыли. Стрекотали кузнечики, пахло скошенной травой и коровами. А тень в разгар полудня норовила спрятаться под ногами.

Бродячие артисты, не теряя времени даром, вывернули наизнанку покрывавшую фургон дерюгу, которая изнутри была выкрашена во все цвета радуги, и споро превратили ее в небольшой шатер. Места, купленного за сущие гроши по игергардским меркам на краю рыночной площади, вполне хватало и для представления, и для зрителей. Выступление должно было начаться на закате, и до той поры бродячие артисты репетировали. Альс не видел самих комедиантов, зато имел удовольствие прослушать весь репертуар по три раза. Цитра, барабан и скрипка. «Сказ о короле Алфрое Великом» и «Битва великанов». Что еще нужно, чтоб изумить дремучих провинциалов? По дороге в Реминг эльфю довелось обогнать фургон, поэтому он не последовал примеру кузнеца и его подмастерья и не выбежал глазеть на пришельцев. И вовсе не потому, что не любил музыку и комедиантов.

– Экая девка! – восхитился подмастерье. – Пряма огневая! Гля, как пританцовывает!

Альс видел двух девушек, но под данное определение подпадала только одна. Пестрая, как экзотическая птица, чернокожая девчонка легко выделяла почти акробатические па. Вторая оказалась прямой противоположностью своей товарке. Медово-русые волосы, распущен-

ные по плечам, большие серые глаза, исполненные возвышенной печали несправедливо обиженного ребенка. Интересно, чем она занимается в труппе?

Соответственно традиции, сначала актеры развлекали публику театральным представлением, балладами, а потом устраивались танцы, где под неприятную музыку отплясывала местная молодежь, да и не только молодежь.

– Я для Насты танцульку закажу, – пообещал самому себе подмастерье.

– Щас-с, – расхохотался кузнец. – Думаешь, она тебе за пляски даст?

– Может, и даст! Кто на нее еще деньгу станет тратить?

– Тада уж серег бы девке купил, что ли, – прогудел в ответ хозяин. – А то так один пшик, а сережки можно до старости носить.

Подмастерье промолчал. Видимо, его финансовые возможности не выдержали бы столь обширных трат.

– У меня кобыла неподкованная стоит, – деликатно намекнул эльф.

– Не бойсь, ща будет подкованная, – обнадежил его кузнец. – Вы бы пока шли погулять, господин хороший, а мы быстренько управимся. Кир, шевелись давай, на девок еще нагладишься.

Слушать «Сказ о короле Алфрое» в четвертый раз Альсу не хотелось даже и в исполнении на редкость хорошо поставленных голосов, но делать было нечего. Ириен с комфортом расположился на низкой лавочке в тени под яблоней и стал наблюдать за репетицией. Верховодил всеми высокий белобрысый парень с таким простецким курносом лицом, что эльф только диву давался, как в роду потомственных свинопасов появился такой талант. Однако же распахнутая до пупа ярко-алая рубаха и кожаные штаны сидели на нем как влитые и шли ему несказанно. Он пел и время от времени подыгрывал себе на скрипке. Звали его Рикирин Хсаба. Двое других его сотоварищей походили на братьев, только один был повыше, с длинным, почти лошадиным лицом, а второй, что пониже, глядел на мир грустными щенячьими глазами. В последнем из комедиантов, гибком, как акробат, квартероне, Ириен учуял неслабого чародея-самоучку. Орочья кровь добавляла изрядную толику смазливости его подвижной физиономии, на которой яркими факелами горели золотистые кошачьи глаза. Квартерон намеревался удивлять горожан фокусами, причем на грани дозволенного. Потому что настоящим фокусникам полагалось состоять в гильдии, платить соответствующий налог и носить полосатый колпак как знак профессии. И в более крупном и просвещенном городе, чем Реминг, за такие шутки всей компании грозили немалые неприятности от властей. Но Альсу не было никакого дела до музыкантов и до их законопослушания. Его интересовала белокурая девица. Она не вписывалась в труппу никоим образом. Ириен знал, какова на самом деле жизнь бродячего актера, и в ней нет места для девушки, умеющей есть с помощью вилки и регулярно моющей уши, даже если у нее довольно складно получается бренчать на арфе или читать стихи.

– Марша! Не задирай так высоко ноги! И так все ляжки видать! – рявкнул квартерон.

В ответ девица смачно плюнула в его направлении, но без стремления попасть.

– Рот заткни!

– Оба – цыц! – одернул их обладатель красной рубашки.

Блондинка грустно поморщилась.

От нечего делать Альс стал мысленно воображать себе вероятную историю образования подобного сборища. Какое-никакое, а развлечение. Версии получались разные, и чем дальше, тем более непристойными они становились.

– Готова ваша лошадка, господин эльф, – доложил, примчавшись, красный от жары подмастерье. – Идемте-ка заказ принимать.

Чийль подковали, как выяснилось, на славу, уж в чем в чем, а в подковах Альс разобрался. Ему и самому было бы несложно при наличии подходящего инструмента повторить кузнецов «подвиг». Ириен заплатил положенное без всяких пререканий.

– Спасибо, мастер. Сразу видно – работа отличная.

Он уже собирался распрощаться с кузнецом, балаганщиками и Ремингом. В единственной здешней гостинице одеяла на кроватях шевелились от вшей и блох. И так как доплачивать за спальню в таком свиномане эльфу никто не собирался, то он решил заночевать где-нибудь под открытым небом. Чай, не зима на дворе.

– Яримраэн!

Нескрываемая чистая радость в девчачьем вопле помимо воли привлекла к себе внимание Альса. Уж больно знакомое имя довелось ему услышать.

А вот встретить сородича в такой глухой провинции Ириен настолько не ожидал, что не сразу признал в мужчине, сжимавшем в объятиях блондинку, эльфа. Тем более что тот расплел косы и по людской моде подстриг челку. Альс подошел вплотную к забору и несколько мгновений молча изучал внешность незнакомца. Искра узнавания озарила его далеко не сразу.

– Скажите мне, если я ошибаюсь...

– Нет, не ошибаетесь, – дружески улыбнулся тот. – Зовите меня Ярим. Без всяких приставок.

– Как скажете... Ярим, – согласился Ириен.

Если бы Альс отличался хотя бы тенью положенного его расе любопытства, то его, условно, заинтересовало бы появление в самом сердце Тассельрада, страны довольно отсталой и дикой, в паршивом городишке, эльфийского принца в компании бродячих артистов. Принц был, правда, незаконнорожденным, но признанным владыкой Иландом. Кто хоть раз видел монету настоящей фэйрской чеканки, тот никогда не перепутает этот профиль ни с чьим другим. Даже у самых дотошных Ведающих из Зеленой Ложи не возникло никаких вопросов о происхождении Яримраэна, когда его еще мальчиком представили тинитонизельскому двору. Боги, что лепили первых эльфов, по всей вероятности, задержались еще на некоторое время, чтоб поработать над обликом Андоралей из Пламенного Дома. Таких синих глаз и тонких черт не сыщется более ни у кого. Владыке некуда было деваться. Но если бы хоть кто-то в Тинитонизеле мог предсказать, во что выльется явление принца-бастарда, то Иланд наверняка сумел бы отвертеться от сыночка. Внешность Яримраэна унаследовал от своего царственного родителя, а уж бешеный нрав, видимо, достался от всех предков сразу. Невинные детские шалости вроде бесконечных любовных историй вскоре сменились проступками гораздо более серьезными. Коллективный поход нескольких молодых отпрысков из самых влиятельных Домов в горы Ши-о-Натай, который закончился смертью одного и увечьем еще двоих, истощил терпение владыки, и Яримраэна отправили в уединенный замок Дэйель. Уединение не пошло принцу на пользу, как рассчитывал его отец. Не успели улечься страсти после предыдущих художеств Яримраэна, когда до Серебряного трона дошла совершенно сногшибательная новость. Принц-бастард сошелся в поединке с принцем наследным. Сражались на полном серьезе, резали друг дружку без жалости, проливая драгоценную кровь эльфийских владык без счета и меры. Обоих унесли полумертвыми. Иланд впал в неистовство и дознавался о причинах происшествия самостоятельно.

Без женщины дело, естественно, не обошлось. Люди таких называют роковыми, орки – смертельными. Альмарэ Ривелотэ была именно роковой, но на свой, на эльфийский манер. Миниатюрная, хрупкая, как подросток, темноглазая, она могла убить наповал и воскресить к новой жизни двумя-тремя фразами. Альмарэ писала стихи, Альмарэ пела на трех древних языках, Альмарэ была свободна и загадочна. Ее обожали, ее ненавидели, и равнодушным не мог остаться никто. Стоит ли удивляться, что два принца искали ее любви, Иффлей и Яримраэн, законный сын и бастард? Кого она выбрала? Конечно, последнего. Почему? Сердце женщины – тайна, сердце эльфийской поэтессы – загадка и тайна вдвойне. Иффлей, привыкший всегда и везде быть первым, не смог снести поражения. Презрение и высокомерие, которое излилось из его уст на Яримраэна в присутствии Альмарэ, повлекло за собой вызов. Иффлей

оскорбил намеренно, практически смертельно, он был сильнее, он был опытнее, и бастарду пришлось драться насмерть.

Тысячелетняя история учила, что, когда единокровные братья поднимают друг на друга меч, ничего хорошего ждать не приходится. Но Иффлей был наследником, а Яримраэн – нет. Владыка Иланд размышлял недолго, он выслал Ярима из Фэйра на вечные времена. Изгнание предполагало, что даже прах Яримраэна Сотифа Андаралья, буде принц рано или поздно почтит, никогда не примет земля Фэйра. Суровое наказание, суровое вдвойне, поскольку Альмарэ не последовала за Яримом в изгнание, ей не позволил сам Иланд.

Ириен знал эту историю ровно настолько, насколько вообще полагал быть в курсе событий в Фэйре, то есть в общих чертах. Деяниями принца он тоже, прямо скажем, не восторгался, но и не считал его исчадием всех девяти преисподен. Просто подивился слегка на странную компанию, которую тот избрал, не без основания подозревая принца в очередном увлечении актерством и актрисами.

В ремингской корчме кормили сносно, и если бы еще местные не пялились на эльфов во все глаза, то трапезу можно было бы счесть удачной. Ириен быстро расправился с жареной колбасой и, прихлебывая из кружки парное молоко, ожидал творожного пирога, когда принца наконец разобрало настолько, что он решил присоединиться к соотечественнику.

– Я так давно не видел никого из наших, – сказал он немного смущенно.

– Я тоже, – отвечивал Ириен, нехотя отставляя кружку. Принц все-таки. – Меня зовут Ириен по прозвищу Альс. Можете называть меня попросту – Альс.

– Я путешествую с балаганом уже почти полгода. Иногда участвую в спектаклях, метая ножи, – сказал Ярим с легким оттенком вызова в голосе.

Ириен окинул его тяжелым невозмутимым взглядом.

– Если вы рассчитываете потрясти мое воображение, то посмею вас жестоко разочаровать: по мне так хоть отряд золотарей. Занятие ничуть не хуже любого другого, а иногда несравненно полезнее для общества.

– Вы не любите искусство? – удивился Яримраэн. – Мы время от времени делаем постановки.

– Ну почему же, смотря что за театр, – пожал плечами Ириен. – Кое-что видеть доводилось. «Старуху у колодца» Вестерхаана, например. Но в основном людские постановки. «Три дня – три ночи» Конада Ритагонского ничуть не хуже Вестерхаана, а может, даже и лучше.

Принц несказанно обрадовался, что простой наемник, фактически обычный рубака, обращает свое внимание не только на кукольные балаганы. Такое случалось редко не только среди людей, но и среди его собственной расы, кичащейся своей многотысячелетней культурой.

– Во-о-он та девушка, в самом углу, – показал он на блаженно улыбающуюся из другого конца зала светленькую барышню, ту самую, которую недавно разглядывал Альс, – Лайли. Она пишет замечательные пьесы, а Рикирин их ставит. Вам они тоже должны понравиться, – заверил он сородича с совершенно несвойственным эльфам воодушевлением.

Альс не поверил. Мало ли молоденьких дурочек, мнящих себя великими сочинительницами, на самом деле складывают сладенькие сказочки, которые только на рыночной площади и показывать тонкослезым крестьянкам! Конечно, Альс не поверил, но ровно до поры, пока тем же вечером не стал свидетелем представления. Девочке едва ли было больше двадцати пяти, но то, что она сочиняла, сделало бы честь иному признанному мэтру пера.

– Ты сама все придумала? – спросил он после спектакля, когда прошел первый шок.

– Сама, – робко ответила Лайли.

Она еще слегка побаивалась эльфа с ледяными злыми глазами. То ли дело красивый, веселый и грациозный, как дикий кот, принц. Его она любила, но не за то, что он был принцем. Очевидность для всякого, имеющего глаза. Достаточно было взглянуть на ее счастливую

улыбку, преданный взгляд, полный такого отчаянного обожания, что у Ириена все в душе переворачивалось. Само глупое и затасканное слово «любовь», которое, словно портовая проститутка, покорно служило всем, кто не стеснялся брать его в свой арсенал: и бесчестному оболстителю, и развратнику, и безумно влюбленному, – не в силах было описать то восторженное чувство, которое девушка испытывала к Яримраэну.

– У тебя настоящий талант, – искренне похвалил ее Ириен. – Я не великий знаток искусства, сама видишь – профессия не располагает, но попомни мои слова: тебя ждет великая слава.

– Вы так думаете, мастер Альс? Иногда мне кажется, что я придумываю всякие глупости. Что люди так не живут и не чувствуют.

– Неправда, и люди такие есть, и чувствуют они почти так же, – решительно заявил Ириен и добавил ни с того ни сего: – И не только люди.

– А я и про эльфов пишу, – обрадовалась Лайли, тут же заливаясь алой краской смущения. Она вообще часто и сильно краснела, как и все светловолосые люди с веснушками. – Про одного принца.

– Вот как?! – легко отозвался Ириен, стараясь не смущать девушку еще больше. – Дашь почитать, когда закончишь?

– Конечно, мастер Альс. Вам в первую очередь.

– Напомни мне потом, чтобы я рассказал тебе одну забавную историю. Она должна понравиться. Может быть, напишешь что-нибудь смешное, – пообещал Ириен, чем несказанно обнадежил юную писательницу.

Она мечтала написать настоящую комедию, потому как где-то от какого-то умника слышала, что настоящий драматург может считаться таковым, только если сможет действительно рассмешить публику.

– Трагедии, они сплошь и рядом, хоть бери и записывай за каждой домохозяйкой, а смешного, по-всамделишному смешного, так мало, – справедливо рассуждала Лайли.

– Но с другой стороны, если человека трогают чужие страдания и боль и он способен пролить слезу над чужим несчастьем, а не только над потерянным грошом, то, значит, он способен и на гораздо большее. Твои трагедии заставляют людей сопереживать, хотят они того или нет. А смеяться могут и праведник, и душегуб. Разве не так?

– Тогда нужно сделать так, чтобы люди смеялись сквозь слезы, – задумчиво решила писательница. – Это очень трудно.

– Еще бы! Но заметь, Лайли, жизнь полна таких сюжетов, нужно только пошире открывать глаза. Все смеются над обманутым мужем, у которого прямо на лбу вырастают ветвистые рога, но ведь в жизни такое выглядит совсем несмешным. Кто-то полезет в петлю, кто-то, наоборот, расправится с неверной, оставив детей сиротами. А ведь для детей даже гуляющая мать – самая лучшая. Это я так, для примера, конечно. Есть ведь еще куча вариантов, и все, заметь, не имеют ничего общего с веселым балаганным скетчем.

Лайли задумчиво накручивала тонкую прядку на палец. Она и волосы носила распущенными, чтобы хоть немного походить на эльфийку. Такая трогательная в своем желании угодить Яримраэну, что Альс с души воротило. Нет, принц, конечно, отзывался взаимностью, но его любовь была только отражением ее чувств. Он позволял себя любить, принимая ее поклонение как должное, дарил подарки, сочинял стихи и все такое прочее, что обязан делать всякий уважающий себя благородный рыцарь. Встретив такого удивительного мужчину, эльфийского принца-изгнанника, который, разумеется, был красивее, умнее, сильнее и благороднее всех мужчин, живущих под двумя лунами, Лайли получила то, о чем никогда и не мечтала. Разве может младшая из дочерей наемного писца мечтать о том, что синеглазый принц станет ее возлюбленным? Нет и еще тысячу раз нет. Чудо, скажете вы и будете снова правы. Просто чудеса бывают разные, и, как правило, ничего хорошего в них нет.

Первое впечатление обычно самое верное. Реминг эльфу совсем не нравился. Над ним возвышался замок местного нобиля. Властитель обожал шумные выезды на боевых лошадях прямо по базарным рядам, сопровождаемые свистом нагаек, азартным гиканьем свиты и паникой обывателей. В каждой земле свои праздники, но Альс не замечал восторга на лицах горожан.

Поначалу Ириен не собирался задерживаться с балаганом дольше нескольких дней. Но что-то держало его рядом с этими забавными, чуть-чуть безумными людьми. Вернее, не что-то, а кто-то, а именно Лайли. Яримраэну впору было ревновать, если бы он точно не знал, что Альс уверовал в талант сочинительницы. Он даже попытался уговорить девушку ехать в Ритагон.

– Я помогу тебе устроиться на новом месте. В этом городе я знаю очень многих, кое-кто мне задолжал, а ты сможешь жить жизнью, достойной твоего дара, творить и стать знаменитой.

Лайли заливисто смеялась, но глядела исключительно на принца.

– Ярим, убеди ее согласиться! Я же знаю, чем кончается такая жизнь!

Но Яримраэну не хотелось бросать своих друзей-артистов, ему не хотелось в Ритагон, где эльфийская диаспора слишком велика и поддерживает чересчур тесные отношения с Фэйром.

– Ей здесь не место! – не уставал твердить Ириен Альс.

– А где ей место?

– В Ритагоне, в Орфиранге, в Квилге, в Инисфаре, на крайний случай. В любом городе, где есть театр, городская стража и квартал комедиантов. Подальше от провинциальных благородных господ, которые всякую приглянувшуюся женщину считают своей собственностью, всякого непонравившегося мужчину – личным врагом, а чужое чувство собственного достоинства – оскорблением своей чести.

– Ты преувеличиваешь, – благодушно ворковал Яримраэн.

Альсу оставалось только беситься от бессилия что-то изменить. И отправиться следом за балаганом в Велетри. Когда в такой город, как славный Велетри, приезжает бродячий балаган, то можно быть уверенным, что артисты не останутся без обеда. Рикирин Хсаба решил пойти на лишние траты и снял комнату в гостинице, расположенной прямо на Рыночной площади, по соседству с Яримом и Лайли. Альс вынужден был присоединиться ко всей честной компании. Из окна он видел, как актеры ловко и быстро натягивали на каркас пестрый шатер, открытый с одной стороны над наскоро сколоченным помостом. Публику завлекал кварталерон Фелл. Он сидел на помосте и каждого проходящего мимо горожанина награждал шуткой, кривлялся, пародируя его самую заметную черту. Постепенно толпа собиралась, заполняя все пространство перед импровизированной сценой. Рикирин, разряженный в свою алую рубаху и кожаные штаны, оповещал о начале представления. Сначала Марша и Мэби исполняют дуэтом довольно слезливую балладу о любви. Потом они же и Самэлл сыграют похабный фарс «Искушение невинности». После фарса Яримраэн изумит почтенную публику смертельным номером с летящими ножами, ему ассистирует Лайли. Фелл станет гадать на рунных картах, а Рикирин – слагать куплеты на злобу дня под аккомпанемент цитры. Когда наступит вечер, комедианты сыграют в пьеске, которую по дороге успела сочинить Лайли. Уже далеко за полночь публика станет разбредаться по домам, господин Хсаба раздаст положенные актерам похвалы и нагоняи, поделит выручку и завалится спать. Тогда и Альс ляжет спать. На кровать лицом вниз и напрягая все силы, чтоб не слышать счастливый смех Лайли. Кто-то, возможно, решит, что это у эльфа-наемника от зависти. Его-то уж точно никто не сумеет полюбить настолько, чтобы пренебречь здравым смыслом!

Он старался лишний раз из своей комнаты не выходить, чтоб не навлечь на влюбленную девушку беды. Терпение Ириена Альса вознаградилось самым преподанным образом, но иного развития событий он себе и не мыслил. Всегда найдутся люди, которые очень не любят нелюдей. Не имеет значения, какие именно нелюди. Хотя связываться с тангарами дело хлопотное, да и орки чересчур легко хватаются за ножи, вступаясь за обиженного сородича всей кастой.

Если сильно хочется подраться, то можно и с орком, и с тангаром. На худой конец сойдет и эльф. Особенно если он красив, как демон соблазна, и каждый день мозолит благородным людям глаза. Опять же веселье у каждого свое, и под развлечениями разные люди понимают разные вещи.

Лорд Шуллиан появился на пятый день и, естественно, не один, а в шумной компании с еще пятью молодчиками, вооруженными так, словно господа собрались не на представление, а на битву. Ничего особенного, обыкновенный молодой нобиль, блондинистый, в меру наглый, в меру храбрый. Наглый в силу происхождения. Храбрый оттого, что дружки рядом, под рукой, так сказать. Ириен сразу увидел в его карих глазах желание заставить паршивых бродяг лизать его сапоги, ползать на коленях и молить о пощаде, чтобы женщины предлагали себя в обмен на жизнь. Опять же нелюди под ногами вертятся, что тоже непорядок.

– Все, кончилось представление! – развязно объявил блондинчик, недвусмысленно вытаскивая из ножен меч.

– Господа, господа, мы ведь только начали, – взвился резкий голос Рикирина. – Присаживайтесь, вам тоже понравится!

– Закрой рот, мразь, – рявкнул толстощекий юноша – спутник блондина. – Лорд Шуллиан не желает видеть твой балаган в городе.

Яримраэн хотел что-то сказать, но Рикирин сделал ему знак молчать. Потомственным свинопасам, пусть даже они теперь служат господам не в хлеву, а на сцене, полагается знать, где именно находится положенное им место.

– У нас есть разрешение магистрата и самого лорда Ларана. Но... хорошо, мы утром уедем, – покорно сказал он, низко кланяясь.

Лишний раз спина не переломится. Ничего, перетерпим.

Ириен сделал крошечный шаг вперед и незаметно прикрыл спиной перепуганных до смерти Лайли и Маршу. Яримраэн нехотел встать.

– Девки пусть остаются, а остальные пускай выметаются, – захохотал Шуллиан. – Нечего в Велетри делать какой-то остроухой нелюди. Верно я говорю?

Его спутники оживленно загоготали, а остальная публика, нутром чувствуя жареное, стала потихоньку расползаться. Люди осторожно двигались по лавкам и у самого края срывались с места и по-заячьи давали стрекача. Ириен их прекрасно понимал. Он и сам не слишком торопился устраивать побоище.

– Ворота откроются только на рассвете, и мы сразу же уедем, – уверил эльф забияк самым миролюбивым тоном, на который был способен.

Он их не боялся, но оказаться всей компанией в пыточном подвале у владельца Ларана ему тоже не улыбалось, а тем бы и закончилось дело, пусть Альс в ход оружие.

– Лорд Ларан успел сделать тебя базарным глашатаем или в Велетри теперь командует всякая мелкопоместная шваль? – насмешливо поинтересовался Яримраэн, окатывая пришельцев волной изощренного презрения.

Нравы при королевском дворе Тинитонизэля всегда оставались не слишком ласковые, и жизнь заставила принца-бастарда с детства оттачивать умение унижить собеседника не только словом, но и взглядом. Ириен только успел скрипнуть зубами. С самого начала молодой нобиль был решительно настроен на драку, но насмешливое, полное пренебрежения лицо синеглазого принца, его презрительные слова вконец вывели Шуллиана из себя.

– Шуллиан, ты сегодня решил взять побольше свидетелей своего позора. Хочешь, чтобы я выпорол тебя прямо на глазах твоих дружков?

– Пошел ты... – взвыл блондинчик и решил, что стоящие возле помоста эльфы, из которых только один вооружен, удобная мишень.

Подбадривая себя истошными криками и воодушевленные численным преимуществом, молодчики бросились вперед. У многих и очень многих людей, особенно если они не отяго-

щены большим жизненным опытом, создается впечатление, что худошавые высокие эльфы не обладают достаточной силой. Да, они прирожденные стрелки, меткие и ловкие, потому что их глаза устроены особым образом, но с другой стороны, орки часто могут их и переплюнуть по части меткости. Тому есть, кстати, немало примеров. Но, право слово, не стоит думать, что меч в длинных пальцах эльфа не может стать страшным и могучим оружием.

Альс носил два меча, а это для понимающего человека означало, что более опасного и сильного бойца нечасто доведется встретить в своей жизни. Молодой дворянин даже не догадывался о том, какому риску подвергал свою жизнь. Одного из нобилей, самого шустрого и наиболее опытного, Ириен сразу обездвигил точным ударом ногой в промежность. Его меч как раз пригодится Яримраэну. Умеешь вывести из себя – умеи утихомирить. С остальными в принципе делать было нечего.

– Только не убивай их, – предупредил Яримраэна Альс, надеясь, что очевидные вещи принц все же научился понимать.

Иногда не убивать гораздо сложнее, чем убить. Особенно если потенциальная жертва скачет кузнечиком, потеет, пыхтит и норовит проткнуть тебя насквозь, не теряя зверского выражения на пунцовом лице. С одной стороны, это чрезвычайно смешно, а с другой – ужасно неудобно и скучно. Альс успел художественно изукрасить физиономии воинственных юношей, чтобы впоследствии они могли гордиться мужественными шрамами, которые, как известно, очень идут мужчинам. Самого блондинчика настигло более изощренное наказание. Яримраэн весело гонял его по всей Рыночной площади, откровенно развлекался и возмещал обывателям упущенное ранее зрелище. Пока бессмысленная со всех точек зрения драка не затянулась даже на его скромный вкус и они с Альсом не разогнали окончательно породистых забияк.

На естественное желание принца поделиться впечатлениями Ириен ответил коротко и грубо:

– Заткнись!

– Ириен, я просто хотел...

– Я знаю, чего ты хотел, принц, – отозвался зловещим шепотом наемник. – Ты всем хотел доказать, какой ты молодец и как умеешь поставить на место провинциального человеческого нобилия. Своему отцу, своим единокровным братьям, мне, Рикирину, Лайли. Ну и как? Доказал?

– Никому я ничего не собираюсь доказывать!

– Тогда запомни раз и навсегда: от того, что ты вмешиваешься в жизнь этих людей, им не становится легче, а совсем даже наоборот.

– А что же ты не развернулся и не ушел, а полез урезонивать шавку Шуллиана? – огрызнулся Ярим.

– Я мог бы, как ты выразился, урезонить не только Шуллиана, но и полгорода. Для профессионала – не вопрос. Что бы это дало Рикирину и остальным? Потом, когда рядом не будет ни тебя, ни меня? И не забывай, что мы принадлежим к другой расе.

– Да! К тем, кого ненавидят более всего.

– А ты как хотел? – взвился Альс. – Чтоб любили? За то, что живем по шестьсот лет – по их меркам почти вечно? Или за то, что не боеем их болезнями?

– Разве мы виноваты, что родились эльфами? Мы такие, какие есть, и ничего им не должны.

– Да. Но ты скажи это матери, у которой ребенок на руках задыхается от дифтерии, старухе с негнущимися суставами или солдату с раной в животе, умирающему от заражения крови. Скажи им, что ты не виноват, Яримраэн.

– Чего ты хочешь от меня? – устало спросил принц.

– Не вмешивайся в их дела, не мешай им жить своей жизнью, не навлекай на них беду. Это ведь просто. Ты думал о том, что рано или поздно та же Лайли постареет и умрет, а ты не успеешь даже как следует узнать ее? Что будет с ней, ты думал? Ты собрался позаботиться о ней? Дать ей все, что она заслуживает? – На всякий случай Ириен перешел на шепот: – Ты рассказал ей об Альмарэ? Ты сказал, что не любишь ее?

Под градом непростых вопросов принц сник.

– Мы, сами того не желая, убиваем их. Разными способами. Иногда одним своим присутствием.

Яримраэну даже показалось, что голос Альса дрогнул. Но нет! Показалось. Ириен горел изнутри исключительно праведным гневом. А с гневом у принца тоже все было в порядке.

– Пока что я своим присутствием Лайли только помогаю, – заявил он, воспрянув духом. – А она хочет странствовать с Рикирином и остальными. Как я могу ломать ей всю жизнь? Даже ради ее блага. Кто же из нас лезет в чужую жизнь? Ты или я?

С лица Альса сошла вся краска, он стоял перед принцем белый, как стена.

– Помяни мое слово, Яримраэн, – медленно проговорил он, с трудом подбирая слова. – Если с Лайли что-то случится, то это будет твоя вина. И я тебе не прощу.

В таверне актеры во главе с Рикирином встретили эльфов как героев – женским радостным визгом и крепкими мужскими рукопожатиями. Лайли повисла на шее принца. Только сам господин Хсаба нахмурился еще больше. Он был, несмотря на молодость и простецкий вид, слишком тертым калачом, чтобы верить в благородство господ из высоких замков.

– Я бы на твоём месте уже собирал пожитки, – посоветовал Ириен.

– Да уж, хватит с нас Велетри. Чужало мое сердце, ничего хорошего в этом городе нам не светит. Надо было поворачивать на юг, – согласился балаганщик, опрокидывая в себя стакан за стаканом кислое дешевое вино.

Сегодня Альс ему завидовал. Способность людей, орков и тангаров, короче, всех, кроме эльфов, напиться как следует, чтобы забыть душевную боль, была невероятным и недоступным для эльфа благом. Как сейчас, например.

– Завидуешь? – угадал Рикирин, проследив за заинтересованным взглядом Ириена.

– Завидую, – честно признался тот.

– Ты дальше с нами не поедешь?

– Нет. У меня есть другие дела, – неопределенно бросил эльф. – Вряд ли тебя утешит, но я готов покрыть твои убытки, – внезапно предложил он и добавил: – Яримраэн был неправ.

– Да перестань, все в руках злого бога Файлака и слепой его сестры Каийи.

Рикирин был очень пьян, раз начал вспоминать Пестрых богов все.

Ириен проводил балаганщика в его комнату, горько сожалея о невозможности напиться. В коридоре его поджидала Лайли.

– Не сердитесь на Яримраэна, он ведь пытался нас защитить. Вы ведь помиритесь? Ну пожалуйста!

Она ведь просила о таком пустяке.

– Хорошо. Только утром.

– Спасибо, господин Альс.

Утром Ириен проводил актеров до перекрестка с Аларской дорогой. Их путь лежал на юг, его – на север. Он отвел Лайли в сторону и сказал, пристально глядя в глаза, а для этого эльфу требовалось сильно нагнуться:

– Если тебе вдруг понадобится моя помощь, если ты захочешь жить в Ритагоне, просто позови меня. Брось колечко в воду и назови по имени. И я приду.

В ладошку сочинительницы легло крошечное медное колечко с непонятной надписью, размером как раз на мизинчик.

– Кра-а-а-асивое.

– Пообещай, Лайли.

– Спасибо, господин Альс. Обязательно!

Он слышал отчаянный крик издалека... Впереди по дороге, монотонно тянувшейся между пологих, поросших лесом холмов, явно что-то происходило. Более всего это «что-то» походило на расправу. Пестрый фургон лениво тлел, вокруг на лошадях гарцевали нарядно одетые всадники. В удавках на ветке уже болталось два тела, одно еще дергалось. Еще двое связанных мужчин ждали своей очереди на импровизированную виселицу. Один на коленях, другой прислоненный к стволу дерева. У него были мокрые от крови светлые волосы. Отчаянно визжала женщина, ее насиловали. Чуть в стороне лежало чье-то мертвое тело, проткнутое насквозь рогатиной. Альс разглядел растекающуюся черную лужу свежей крови под мертвой девушкой. Благородные господа явно развлекались, так как им ничего не стоило перерезать путников одного за другим. Однако что может быть приятнее, чем помучить беззащитных, – редкая забава в череде скучных дней. Подъехав ближе, эльф догадался, что маленький обоз принадлежит бродячим артистам. Вокруг валялось пестрое барахло, какие-то яркие тряпки.

– Доброе утро, Яримраэн, – негромко сказал Альс, останавливая вороную Чийль, прикишующую к запаху крови за последний год.

Говорить «Я же предупреждал» было поздно. Ремингских артистов настигла жестокая участь, какая частенько уготована простым беззащитным людям, попавшимся на глаза высокородным разбойникам. Тем, кто наслаждается чужими муками, упивается бессильными слезами и тешится последними содроганиями жертвы.

– Что, остроухий, решил присоединиться к веселью? – мрачно пошутил мужик с баронской цепью на груди. – погоди немного, сейчас и с тобой разберемся.

Разговаривать с ним было совершенно бессмысленно, словно тратить слова на убеждение коровы. Альс молча развернул кобылу и медленно вытащил мечи из-за спины.

– Ты эт чо, драться надумал? – искренне удивился нобиль.

Он пришпорил коня, замахиваясь огромным двуручником. Его соратники без всякой команды рванулись вперед, намереваясь покончить с непонятливым чужаком если не умением, то определенно числом. Резать их было проще, чем кур. На здоровяка-барона Альс потратил времени чуть больше, чем на остальных, но только потому, что тот отчаянно не желал сдыхать от одного удара, отсекавшего ему одну руку вместе с плечом и куском грудной клетки. Эльф равнодушно перерезал ему глотку и удовлетворенно оглянулся. Убитые лежали вокруг в самых разнообразных позах, добивать никого не требовалось. Альс аккуратно вытер лезвия своих мечей о дорожные одежды и снова водрузил их за плечи.

Фокусника Фелла эльф успел вытащить из петли еще живым, потом разрезал веревки на Рикирине и Яримраэне. Марша обхватила руками сапоги Альса, пытаясь их поцеловать.

– Ты... ты... – хрипела она. – Спас нас!

– Я опоздал, – хрипло пробормотал Альс, пытаясь выдернуть сапог из цепких рук актрисы.

Он не отрываясь глядел на Лайли, которая лежала на земле, маленькая и белая, как восковая куколка. Рыдала Марша, прижав к груди голову Рикирина Хсабы. Яримраэн стоял на коленях, и руки его были в крови. Он еще никогда не видел, как умирают те, кого любишь.

– Что ты наделал... – только и сказал Ириен, касаясь кончиками пальцев темной, почти черной раны на груди Лайли. – Что ты наделал, Яримраэн. – И это был не вопрос.

Она ушла за ту Грань, за которой душу не догнать самому могучему колдуну. Искра погасла, и никакие силы не смогли бы разжечь остывший костер.

Словно слепой, он подобрал ее сумку, валявшуюся рядом, достал деревянную тубу, полную рукописных листочков. Дешевые чернила, очень дешевая бумага. Последняя пьеса Лайли называлась, конечно, «Принц-изгнанник». Ну а как она могла еще называться?

...Скажите, принц...

Актеры оплакивали свою злосчастную судьбу, Яримраэн был безутешен. А Ириен читал последнее творение маленькой писательницы.

Но почему, скажи на милость, милый ворон,
так черен вид твой и печален взгляд?
– Да потому что надвое расколот.
Черна душа, но так легко летать...¹

– Как ты мог? – сказал он, не поворачиваясь к принцу, продолжая стоять спиной ко всем. – Как ты мог допустить, чтобы случилось такое?

– Я?

– Ты. Я, – проскрежетал Альс, словно его душили слезы. Слезы у эльфа? Это же смешно. Когда он развернулся, то глаза его были, как обычно, сухи и холодны.

Принц молчал, не отрывая взгляда от мертвой девушки.

– Ты знаешь, о чем я говорю, Яримраэн, – вздохнул тяжело Ириен. – Ты не имел права вмешиваться в ее жизнь. Это для тебя была игра, развлечение, очередной плевков в Иланда. Мол, смотрите, гордитесь, принц крови разъезжает вместе с бродячими актерами. А для них, – он обвел взглядом остальных комедиантов, живых и мертвых, – и для нее это была настоящая жизнь. Тяжелая жизнь, состоящая в основном из нелегкого труда, унижений и почти бесплодных усилий.

– Я не хотел, чтоб вот так... – прошептал принц.

– А чего ты хотел? Впрочем, это уже неважно, Ярим. А важно вот что. – Ириен ткнул принцу в лицо мелко исписанные желтоватые бумаги из тубы, трогательно перевязанной белой ленточкой. – То, что она писала. Мое имя никто не вспомнит, оно умрет вместе со мной. И так будет, наверное, правильно. Та же судьба была уготована и тебе. Прошло бы несколько столетий, и о тебе напоминала бы лишь кривая запись на схеме раскидистого генеалогического древа Андаралей. На самой маленькой веточке. Несколько строк в хрониках Пламенного Дома, о которых знали бы только самые дотошные из тинитонизельских летописцев. А теперь... теперь твое имя обретет незаслуженное бессмертие. Благодаря этим бумажкам о твоей ничемной жизни, принц, будут знать и через пятьсот, и через семьсот лет. От тебя не останется пригоршни праха, а тебя будут играть, помнить и заново переживать твою жизнь. И все благодаря мертвой девочке. Которую ты никогда не любил.

Ириен снова отвернулся от всех, пряча бумаги Лайли за отворот куртки. Зачем слова, если они ничего не меняют, не воскрешают из мертвых и не умеряют боль?

– Мы должны похоронить ее, – сказал он чуть погодя. – Всех похоронить. Кроме этих...

С помощью Ириена балаганщики кое-как собрали нехитрый скарб, то небольшое, что осталось от их имущества. Они что есть сил торопились убраться как можно дальше от этого страшного места. Их мучителей могли скоро хватиться родственники. Для могилы Лайли, Мэби и Самэлла сообща выбрали красивый невысокий холм в стороне от дороги. Хорошее место для хороших людей. Мужчины вырыли яму. Ни у кого не осталось ни слез, ни слов, чтобы проводить друзей в последний путь.

Ириен достал из кармана яблоко и, разломив его пополам, вытащил маленькое семечко. Он пальцем расковырял ямку в мягкой земле и опустил туда яблочное семечко, шепча ритмичный наговор. Он использовал самое могущественное волшебство – магию Творения, которая заключена во всем живом, в каждом зерне, в каждом побеге. Только Истинный Язык – лонгиир смог разбудить ее в семечке, и тогда росток вырвался из земли. Сначала он был слаб и тонок, но пробужденная от сна земля щедро дарила ему свои соки, откликаясь на просьбу

¹ Здесь и далее стихи автора.

волшебника. Тонкий стебелек рвался к небу, расталкивая в стороны ветви, он рос, крепчал, и очень скоро над могилой балаганщиков высилась сильная молодая яблоня, шелестевшая свежими листиками, словно росла здесь не один год.

– Это все, что я могу сделать для нее, – сказал Ириен, не глядя на потрясенных актеров. – Рикирин, возьми. – Он отдал ему рукописи Лайли. – В Ларое найди печатника Беррана, что живет на Старой Конной, назови мое имя и попроси напечатать эти пьесы. У него есть новый станок. Теперь лишь от тебя зависит, будут ли люди помнить о Лайли. И вот еще... – смущенно добавил эльф, вкладывая в ладонь Хсабы небольшой мешочек. – Возьми, уж не побрезгуй. Пригодится на первое время.

Больше Ириен не собирался задерживаться ни на мгновение. Он легко взлетел в седло и уехал, даже и не обернувшись.

– Ты знал Лайли Саганар? – потрясенно ахнула Джасс, глядя на Яримраэна так, словно видела его впервые в жизни. – А то я все время думала, кого ты мне напоминаешь...

– Так вышло, – почти оправдываясь, сказал принц. – Слова Ириена сбылись. Через сто тридцать лет ее имя знает каждый. Ну, почти каждый.

– Я все время забываю, что вы с Ириеном эльфы. Боги, вы оба знали сочинительницу Саганар! Ну вот, ты уходишь, а я не успела расспросить, какая она была на самом деле.

Джасс осеклась под тяжелым взглядом принца. Наверняка ему нельзя было сделать больше, чем она только что сделала. Яримраэн дернул головой, как от жгучей пощечины, синь глаз мгновенно заволкло давней тоской.

– Прости.

– Мне нет прощения. И не будет никогда, – выдавил из себя Ярим немеющими губами с величайшим трудом. – Теперь ты понимаешь, почему я оставляю тебя?

– Я – не Лайли. Во мне нет ничего ценного.

– Ты человек. Ты должна прожить свою жизнь. Тебе и без Альсовых пророчеств хватает неприятностей. Держись Парда или Малагана. Но, я думаю, он вернется. Поймет и вернется. И Пард так говорит.

– Хорошо, что ты мне напомнил. Я знаю, он хотел таким образом меня спасти. – Джасс до крови закусил губы. – Когда он поймет свою неправоту... Ты верно сказал: я человек – и я не сумею ждать двести лет. Как ждет тебя Альмарэ. А она ждет.

– Я не вернусь в Фэйр.

– Потому что тебе для этого придется просить Иланда? А ты так горд и не умеешь прощать?!

– Мы все не умеем прощать.

– В таком случае тебе тоже предстоит много чего понять.

– Ты обнимешь меня на прощание?

– Иди сюда, сволочь остроуха.

Джасс прижалась к груди эльфийского принца, ощущая его невесомые теплые объятия, растворяясь в его нежности и любви. На груди у него на кожаном шнурке болталось маленькое, тщательно начищенное медное колечко.

Потрепанное перышко поскрипывало по неровному листочку дешевой бумаги, строка ложилась за строкой, каждое слово нанизывалось на нить повествования, словно по волшебству складываясь в рифмованные строфы. Чудесное ощущение всемогущества не покидало ее. Так полководец, стоя на вершине холма, отправляет рати на великую битву одним мановением закованной в латы руки. Так могучий волшебник сплетает из древних слов сеть, способную поймать и дракона, и яркую бабочку. Только во власти Лайли Саганар были не воины в доспехах и не колдовские руны, а самые простые слова на обыкновенном языке, которыми мать укачивает младенца в колыбели, которыми разговаривают князья во дворцах, а нищие

просят подаяние. Лайли не была волшебницей, она была чем-то большим. Она была творцом. Что важнее всего.

Интерлюдия ЧЕСТЬ НЕДОСТОЙНЫХ

Сийгин, орк. 1693 год

Трактир был не то чтобы полон народу до отказа, но заполнен преизрядно. А как иначе? В канун Арраганова дня, по чистой случайности совпадающего с древним праздником, посвященным Турайф – богине встреч и разлук, принято было по всем обитаемым землям учинять веселые пирушки и попойки, но удерживаться от драк и раздоров. Считалось дурной приметой рукоприкладство, даже в отношении законной супруги, даже ежели она и заслужила хорошую взбучку. Народец вне зависимости от остроты ушей старинных примет держался крепко и руки не распускал понапрасну. Тем паче что всех иных дней в году хватало для доброй драки и прочих простых прелестей жизни. А потому в самом наилучшем трактире славного града Тэссара, в «Алом щите», собрались добропорядочные обыватели, чтобы поднять кружки, полные до краев отменнейшим темным пивом, с наилучшими пожеланиями друг дружке. Ради такого случая хозяин заведения господин Мано пригласил заезжего менестреля, не скупясь на оплату пения и музыки, столь редкой в Тэссаре, городе торговом и богатом на звонкую монету, но бедном на развлечения.

Моя печаль меня переживет,
В чужом саду ростком пробьется,
Упругим яблоком запрыгнет на порог,
Блеснет падучею звездой на дне колодца...

Голос у менестреля был мальчишеский, чуть надтреснутый, как и его старая цитра, да и сам малорослый и худощавый певец имел молодой вид, несмотря на обильную седину в густой шевелюре. Он сидел у очага на самом почетном месте, рядом, для смягчения горла, стоял положенный в таких случаях кубок с теплым вином и медом. И полагалось бы ему смотреть задумчиво в огонь и всем своим видом изображать нездешнюю печаль во взоре. Традиции, понимаешь... Но менестрель неромантично пялился на невиданное до сей поры зрелище. Взрослого орка без кастовой татуировки на смуглом, красивом до невозможности лице. Нет, по центру левой щеки имелось маленькое «око» в черно-красных тонах. Но по непонятной причине закрытый глаз не принадлежал роскошному соколу кэву – горцев. Орк против ожидания не выглядел измученным, загнанным в угол изгоем, каким, собственно говоря, надлежало быть эш, то есть недостойному, лишенному касты. Наоборот, вышеупомянутый эш смотрелся вполне довольным жизнью существом. Изумрудики в серьгах были хоть и маленькие, но настоящие, массивный золотой тор неплотно охватывал шею, а уж про обилие браслетов на обеих руках разговор вообще не шел. Не родился под двумя лунами еще такой орк, который бы отказался от лишнего браслета, пусть их у него будет сто штук. Золотые шнуры в черной косе загадочного орка не просто говорили, они кричали знающему глазу о том, что вплетала их ловкая женская рука. Вот ведь бывают чудеса!

Моей печалью будет небо плакать,
Она вонзится в сердце острою стрелой
И отболит незажившую раной,

И потечет слезинкой дождевой...

Посетители начали нестройно подтягивать грустную мелодию, и кое у кого даже навернулась слеза. Тогда господин Мано распорядился открыть новую бочку с пивом и лично подал пример, налив серебряную кружку пенным напитком. И веселье перешло на новый круг.

– Давай че-нить веселого, мэтр Маххс! Плясовую аль застольную!

Просьба клиента закон, и менестрель взял новый аккорд. Цитра откликнулась на его чуткое прикосновение как дитя на ласку матери, засмеялась, пробуждая улыбки на самых хмурых лицах. И лицо орка-эша осветилось неподдельной радостью. Нет, все-таки Создатель не слишком любил людей. Эльфы, те и красивы, и живут ой как долго; орки пусть и не такие уж долгожители, но красавцы поголовно, что мужчины, что женщины; тангары статны как на подбор, и не сыскать среди них чересчур уродливого. А люди... э-эх, что люди... Словом, что думать, только расстраиваться.

И вдруг улыбка орка погасла, как свеча на ветру. К столу приблизился его соплеменник и как бы случайно сел напротив. Мэтру Маххсу хорошо была видна татуировка. Красно-черный сокол, выполненный с такой тщательностью, что дух захватывало. Каждое перышко, каждый коготок выписаны на медной коже как живые и покрывают ровнехонько половину породистой физиономии. Один из кэву, высшей орочьей касты, чья родословная насчитывает не менее двадцати поколений. Сверкнул солнечный камень в сережке, ему вторил перстень на руке, и гордый кэву заговорил. Менестрель не мог слышать его слов, но одного зрелища кэву, разговаривающего с эшем, ему хватило с головой. Вот ведь случаются чудеса в этом безумном мире.

– Мне сказали, что тебя можно найти здесь... – сказал Канейрин, изучая вырезанную на столешнице непристойную надпись, и имя застряло у него в горле как кость. – Сийтэ.

Сийгин громко и смачно отхлебнул из кружки. Ну надо же, даже детское имя помнят. Ну-ну...

– Твой отец умер на третий день после Нового года.

«Туда ему и дорога, старому выродку. – Ни один мускул на лице не выдал чувств осиротевшего сына. – Надеюсь, тебе погано леглось в промерзшую землю?».

– Теперь, как ни верти, главой рода считаешься ты... Сийгин. Мне это не слишком приятно говорить, но так получается, и никто из старейшин не сказал против ни слова.

Радости в голосе родича не было ни капельки, наоборот, его рот, когда произносил эти слова, кривился, как от кислого незрелого яблока, к тому же посыпанного густым слоем соли. Канейрина разве что не воротило, но поделаться он ничего не мог. Не своей же волей отправился он в чужую страну, в презренный человеческий город, где могут преспокойно жить лишь низшие – «дневные» да «ночные»? А будь на то его воля... Впрочем, это совершенно не волновало старого шамана, уже давно отказавшегося от собственного имени ради Силы, когда тот приказал оповестить живущего в Тэссаре Сийгина, сына покойного Майтохина из клана Лост, что он может вернуться, заслужить прощение за свою гордыню и снова стать членом семьи.

– Тебе предлагают снова обрести честь, имя и родню. Ее все равно не вернешь к жизни...

«Ее! Она была моя мать! Вы убили ее! – крикнул безмолвно Сийгин и отвернулся. – Если бы можно было вернуть ее к жизни, я бы пожертвовал не только честью, именем и семьей, я бы отдал душу и посмертие. Но тебе этого не понять, Канейрин». За долгие годы, прошедшие с того самого страшного дня, Сийгин научился и сдерживать дрожь в руках, и не скрипеть понапрасну зубами. Он просто щелчком заказал еще кружку. Пивом, конечно, память не забьешь. Но если закрыть глаза, всего лишь на миг, то можно увидеть смуглую хрупкую красавицу с косой до колен, нефритовыми глазами дикой кошки и ресницами такой длины, что слезинка скатывалась по их глянцевой роскоши целую вечность. Когда она умерла... когда ее убили, ей

не было еще двадцати восьми, а Сийгину – двенадцати. И она была для него всем. Любимой матерью, богиней, верховным судьей и просто самым лучшим другом.

– Она сама была виновата. Связаться с человеком... Позор и проклятие. Твой отец...

Но Канейрин вовремя встретился взглядом с Сийгином. Золото его глаз пылало самой страшной ненавистью, перед которой отступала даже сама Неумолимая. «Молчи! Молчи! – кричали эти сухие глаза. – Молчи, или я убью тебя!» И Канейрин промолчал.

– Теперь, когда прошло тридцать лет и Майтохин мертв, можно воскресить и ее имя, если пожелаешь. Неназванный пообещал созвать совет из шести Сильных и позволить тебе помянуть ее имя по обычаю.

«Пусть Неназванный засунет свои слова себе же в задницу, как любит говаривать друг мой Альс. Я помянул имя Гаэссир уже тысячу раз и буду помянуть его до своего смертного часа, слизняк. Или ты думал, я забуду имя лучшей из женщин?»

– Твой брат...

«Еще один горский гордый червяк».

– Он собрал достаточно серебра для выкупа за невесту, но кто отдаст девушку без согласия главы клана?

«Поделом тебе, братец единокровный и единокровный». Найсин был невиноват, тогда ему было только пять лет. Но как же быстро он забыл свою мать...

– Весь клан просит тебя о возвращении. Старшая кровь Лост-аси не должна прервать свой путь... Я понимаю, ненависть тебя не покинула, как и твоего отца, до самой смерти. Но ради клана...

«Удавитесь там, в своих горах. Все вместе и каждый в отдельности».

– Кто возьмет в руки родовой лук и пустит в небо горящую стрелу в Долгую ночь...

Сийгин помнил его до мельчайших деталей. Изысканно изогнутый хребет, ажурный рисунок рукомети, резьба на костях и подзорах, трехсотлетний лак без единой трещинки. Тот самый традиционный орочий лук, за который знаток заплатит, не торгуясь, три, а то и четыре сотни полновесных серебряных корон. Потому что лучше луков просто никто не делает, ну, может быть, только два-три эльфийских мастера, так те колдуны к тому же. Орк знал, что сам он уже никогда не коснется этого чудесного оружия, и сын его не коснется. Потому что у него нет сына, а если и будет, то в руки полукровки такие вещи не дают. Но ему было все равно.

– Любая из девушек пойдет за тебя, из любого клана. Хоть Таар, хоть Уанг.

«А если бы понадобилось, ты и свою сестру подложил бы под бывшего эша. Да что сестру, и жену бы отдал, если бы Неназванные приказали», – мстительно подумал Сийгин, медленно опустошая жбан с пивом. Он представил себе, какое делается лицо у Морри, когда он расскажет об этом предложении, и усмехнулся. Она даром что квартиронка, а все равно ревнивая, как... неведомо кто. Ну, в конце концов, Морри сумеет убедить его, что только она любит настоящему. И кто знает, может быть, на этот раз будет мальчик...

Эш не смотрел в глаза своему полноценному сородичу и молчал, как того требовал обычай, но по дрожи желваков на скулах можно было догадаться, что прикидываться равнодушным ему очень тяжело, почти невыносимо.

– Скажи, Мано, а кто тот парень в зеленой куртке лучника? – как бы невзначай поинтересовался певец, выслушав положенные комплименты по поводу своей игры.

– Орк, что ли? – переспросил тот.

Менестрель кивнул.

– Это господин Сийгин, полусотник и лучший лучник от пролива до Яттса, – с нескрываемой гордостью в голосе сказал трактирщик. – Зимой он приз взял на празднике, посрамил всю округу. Даже олеройский чемпион эльф Дан'намири проиграл. Сийгин – великий стрелок, бывший лангер.

– Вот как! – вскинул тонкие брови менестрель. – Лангер, говоришь? Это интересно!

Бард много слышал про знаменитые ланги, но относил эти истории к разряду стародавних побасенок, коими из века в век полнится земля. Теперь он взирал на орка с большим подозрением. Эш, лучший стрелок, лангер... не слишком ли много для одного, красивого к тому же, мужика? Во все времена мужчины всех рас теряли головы из-за орок, чья хищная красота вошла в поговорки и присказки. Не потому ли по миру ходит столько народу с примесью орочьей крови, добавляющей не только темперамента и привлекательности, но еще и упрямства и жестокости своим обладателям.

– И как же это владетель взял командиром «недостойного»? Чудеса.

– Это вы про рожу его, господин певец? – переспросил с нескрываемым изумлением хозяин. – Дык владетелю-то насрать, простите уж за грубое словцо, на его рожу. Господин полусотник над людской полусотней командир, а над орочьей-то как раз человека чистокровного поставили. Чтоб, значитца, по-честному выходило. А по мне, так оно и к лучшему, что морда чистая. Так-то оно не страшно. Парень он свойский и женился на Морри Квартеронке, все честь по чести. Она у меня судомойкой была. Всякая сволочь норвила в коридоре прижать. А Сийгин повел к жрецу и женился не каким-нибудь, а истинным браком. Так что хороший он человек, хоть и орк.

Интересно, а этот эш, рожденный кэву, из каких мест? Если судить по его собеседнику, по узору на куртке, по массивным золотым браслетам и широкому ножу в расписных ножнах, то прямиком из Дождевых гор, из дикого сурового Къентри. Именно там живут самые гордые из горцев, способные даже на то, чтобы отказаться от собственной касты. Хотя про такой случай Маххс даже не слышал никогда и не поверил бы своим собственным ушам, если бы ему рассказал кто-то другой, а не он сам увидел господина Сийгина своими глазами. Нет ничего такого, что может лишить орка его касты, даже преступление, пусть и самое страшное, какое карается мучительной смертью. Кровь и честь принадлежат преступнику до последнего его часа. Маххс читал в старинных свитках о Темных веках, что во времена бесконечных войн жестокие правители выжигали с лиц орков их татуировки каленым железом, стремясь таким образом унижить пленников, сломить их волю. Темные века вообще изобиловали примерами ужасных зверств.

Къентри, Къентри, орочьи горы...

Менестрель вздохнул и взял новый аккорд.

К тебе вернуться обещал
Мой дивный, дальний, дикий край...
К тебе вернуться обещал,
Но слова так и не сдержал...

Сийгин упорно смотрел мимо родича, он глядел в темное окно трактира и видел толстую высокую башню, сложенную из необработанных камней. У подножия ее теснятся сараюшки, а из кривой трубы в бок вьется дымок. Все постройки окружает каменный забор из булыжников, весь обросший вьюнами с буроватыми листьями и приторно-горькими ягодами, созревающими как раз к первому снегу. В загоне блеют мелкие черные овцы, а на покато́й крыше погреба стоит лохматая коза, взирающая на мир с демоническим равнодушием. И орк готов был присягнуть, что за почти тридцать лет ничегошеньки там не поменялось. Все так же по утрам женщины мелют муку на ручных мельницах, все так же пахнет свежими лепешками, звенят колокольцы на ветру, защищая дом от злых духов. Нижний зал полон народа от мала до велика. Под ногами снуют куры, у очага разлеглись собаки, серые, как волки, и рослые, как

пони. Стены увешаны котлами, поварешками, тесаками всех форм и размеров, рядом же висят гроздьях каких-то кореньев, куски копченого мяса, колбасные круги. А посредине стоит могучий стол – прародитель всех столов, за которым только и может собраться многочисленное орочье семейство без малейшего стеснения.

В последний год своей жизни дома Сийгин за общий стол не садился. За что был нещадно бит всем, что попадало отцу под руку: вожжами, скалкой, черенком лопаты, плетью, – а то и просто кулаками. А кулаки у покойника были о-го-го. И он любил их распускать по поводу, а чаще без оного. Не оттого ли Гаэссир попыталась сбежать с веселым и добродушным золотоискателем-маргарцем? Сийгин ни на миг не усомнился, что страшные черные кровоподтеки по всему ее телу оставил именно Майтохин. Это он ломал сапогами руки, крушил ребра и топтал беглянку до тех пор, пока женщина не испустила последний вздох, и еще какое-то время после.

– Какая ты кэву? – приговаривал Майтохин уже над мертвой. – Ты хуже эш, подлая тварь.

Ее, как сломанную куклу, бросили на съедение лесным тварям, но Сийгин сбежал из-под замка той же ночью и уволок тело матери поглубже в чашу. С величайшей осторожностью, как прирожденный следопыт, зря, что ли, учен теми же пудовыми кулаками, он запутал следы и замаскировал ее могилу, так что как ни пытались отыскать ревнители законов и обычаев, так и не сыскали то место. Старался Сийгин, ой как старался. Он хотел, чтобы рядом с ней по весне цвели дикие вишни, чтоб невдалеке журчал ручеек, чтоб маме было тихо и покойно после смерти, чтоб слушала она птиц и спала, никем не тревожимая. И там над неприметным могильным холмиком маленький орк пролил свои самые последние слезы. И никогда более, ни когда смертным боем бил папаша, ни когда родичи плевали вслед, ни когда погибла первая его любовь, светлокосая Майан, ни когда лег в могилу Элливейд, ни когда погребальный костер Унанки взвился в небо, по щекам Сийгина не скатилось ни слезинки.

И во время осенней ярмарки он не мучился совестью, когда в первый и в последний раз в жизни украл у купца семена священного тальфина, чтобы посадить возле мамы.

Еще целый год отец допытывался, где Сийгин схоронил недостойную женщину, но тот лишь молчал, молчал да терпел побои. Целый год он терпел, целый год ждал того дня, когда станет мужчиной, своего тринадцатилетия. Он все точно рассчитал, замыслив для своего родителя самую страшную месть, на какую вообще способен орк. И когда на рассвете его разбудила тетка, чтобы вести к старому шаману-Неназванному, дабы тот совершил обряд и нанес новые штрихи на кастовый знак, Сийгин уже все для себя решил.

Неназванному было лет сто пятьдесят, если не больше, и он уже успел на самом деле забыть свое имя. Весь белый, согнутый в три погибели старик редко выходил из своей башни, почитаемый во всем Къентри как великий мудрец. Он действительно был мудр, старый филин, закутанный в какие-то серые тряпки, со шкурой горного козла на вечно зябнущих плечах.

– Ты не хочешь носить красно-черного сокола, Сийтэ. – Он не спрашивал. Нужды не было, достаточно было один раз глянуть в глаза мальчишки-орка.

– Нет, – тихо ответил тот.

Неназванный по-стариковски пожевал губами.

– Ты знаешь, на какую судьбу обрекаешь себя, Сийтэ? – бесстрастно поинтересовался он, склонив набок голову, как любопытная птица.

– Знаю.

Но старого шамана тяжело было смутить пылающим взглядом и плотно стиснутыми до белизны губами. Старый шаман видал виды. Он лишь вздохнул. Кто он был такой, чтобы вмешиваться в игры Богов и Сил.

– Ну что ж, пусть люди молятся злему богу судьбы Файлаку, пусть эльфы презирают судьбу чужую и свою, пусть тангары предают ее огню. Орк сам возьмет что пожелает. Иди и возьми... эш.

И Сийгин ушел из башни Неназванного таким, каким пришел – с маленьким закрытым глазком на девственно чистой щеке. Тетка зарыдала. Она знала, что ей достанется, но печалилась не из-за своих грядущих синяков, а из-за маленького мужчины, бодро шагавшего по дороге, прямо противоположной той, что вела к отчому дому.

– Так ты вернешься? – напрямую спросил Канейрин, в нарушение всех обычаев глядя прямо в глаза отступнику.

То было страшное унижение для любого орка, и от переживаемого лютого позора смуглое лицо кэву стало пунцовым. Но Сийгин не стал унижать своего сородича еще больше и отвечать ему. Потом ведь не отмыться. Все-таки родственник, кузен, родная кровь. Будь она проклята! У недостойных тоже есть честь.

– Эй, Мано, дружище! Сколько я тебе должен? – окликнул он трактирщика как ни в чем не бывало.

– Сегодня пиво для вас, господин полусотник, бесплатно. В честь праздника!

– Ну спасибо, уважил. Морри хоть шуметь не будет, – усмехнулся орк и решительно встал из-за стола. – Пора и честь знать.

Не оборачиваясь на окаменевшего на своей лавке Канейрина, он направился к выходу. Но по дороге остановился возле менестреля и протянул тому пару медных скилгов:

– Спой-ка про принца Финнеджи, приятель. Давно я не слышал этой песни.

А Маххс давно не получал такого заказа от чистокровного орка. Не было у орков во все времена страшнее врага, чем эльфийский принц. И спустя тысячу лет матери-орки пугали детишек его именем. У Сийгина было забавное чувство юмора. Бард вопросительно взглянул на заказчика, но тот лишь криво ухмыльнулся в ответ:

– Друг у меня был, приятель. Самый что ни на есть эльфийский эльф. Унанки кликали. Может, слышал? Нет. Ну да ладно. Брат-лангер... Н-да. Так вот, любил он к той песенке новые слова подбирать. Нравилась она ему... Ты спой, помяни его светлую душу в его эльфийских небесах. Споешь?

– Отчего ж не спеть, – согласился Маххс. – Песня-то красивая.

– То-то и оно.

Он был эльфийским князем
В кольчуге золотой
И витязем прекрасным.
Как истинный герой
Не знал врагам пощады
И страха он не знал.
Могучий меч Финнеджи
Как молния сверкал...

«Н-да, – подумал Сийгин, – и не было у нас худшего врага... и у эльфов тоже».

А менестрель, перебирая в задумчивости струны, думал совсем об ином: «Вот этот полусотник... Без кастовой татуировки он отверженный, эш, родной брат ему воды не подаст, сородичи смотрят мимо. Он для своих хуже прокаженного, его нет и не было никогда. А ведь сам выбрал такую судьбу, никто не насиловал. Не захотел стать кэву, не пожелал принять знак своей касты. И думаете, господа, он сожалеет? Да ни капельки, никогда. Потому что орк. Спросите любого из этого кошачьеглазого племени, жалеют ли они о чем-нибудь в своей жизни, о том, что от рождения до смерти привязаны каждый к своей касте, не вправе изменить предопределенному пути ни на йоту. Услышите то же самое, что услышу я, коль вздумаете спросить о том,

вернее, осмелитесь, – твердое и неизменное «нет». Вот бы и нам, людям, так же выбрать свой путь и идти по нему до самого распоследнего конца».

Тэссарским домом своим Сийгин по праву гордился. И не переставал любоваться. Крыша – черепичная, окна – из настоящего стекла, заборчик – зеленый свежепокрашенный, дорожка к порогу камнем выложена. А цветы в пузатых горшках, а кусты розовые – редкого сорта, а грядки ровненькие... Э-э-э-э! Кто оценит такую красоту по достоинству? Да только тот, кто почти всю жизнь не имел собственного угла.

В окне уютно горел свет. Морри, как водится, не спала, ожидая мужа и коротая время за шитьем. Чутким, на четверть орочьим, ухом услышала, как хлопнула калитка, и выскочила на порожек. Навстречу. Сийгин задохнулся. Красивая-а-а-а! Совсем не похожа на орку, разве только крутые локоны узнаваемо черные в синеву, да глаза зеленущие, как у кошки.

– Где ты шлся? – фыркнула женщина и, мгновенно сменив гнев на милость, повисла у мужа на шее, лапаясь тоже как кошка.

– Пива попил. Праздник сегодня.

– И то дело. У Мано?

– А где ж еще?

Они, не разнимая объятий, вошли в дом. Маленькая девчушка, чуть больше годика, с задумчивым видом грызя сухарик на коврике возле очага, увидав отца, неловко раскачиваясь на ножках, бросилась к нему, лопоча что-то радостное и непонятное. И лететь бы ей носом, если бы Сийгин не успел подхватить свое сокровище прямо на лету.

– А ты почему еще не спишь? – проворковал он, чувствуя, как крепкие пальчики впиваются в его волосы. – Ну ничего, папа положит непослушную девчонку спать быстро-быстро.

То была истинная правда. Едва Сийгин клал ребенка в колыбельку, та сжимала в маленьком кулачке его палец и мгновенно засыпала. А он еще некоторое время любовался своей дочкой. «Расти, кэро, и у тебя будет все, – говорил он. – И наряды, и куклы, и книжки, и учителя, и то золото, что лежит в надежном тангарском банке в Ритагоне, оно тоже будет твоим. И замуж ты выйдешь лишь по любви, и за того выйдешь, кого полюбишь. И пусть он только пальцем тебя тронет».

Девчушка засмеялась, старательно пытаясь откусить отцовский нос, потом отклонилась и внимательно, очень как-то серьезно посмотрела на него. Нефритовыми глазами Гаэссир. И ресницы у малышки были такой длины, что по праву могли сравниться лишь с вечностью в объятиях любимой.

– Я люблю тебя, Гаэссир, деточка.

– Ма-а-ам... – отчетливо пропела девочка.

– Смотри, она первое слово сказала! – воскликнула радостно Морри. – Она сказала «мама». А ты говорил, что первым она скажет «папа».

Но Сийгин не расстроился. «Мама» – это хорошее слово.

Глава 2

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

Многие знания – многие печали.

Ириен Альс, эльф. Ранняя весна 1692 года

Вж-ж-жик... Если бы Грин взял прицел чуть левее, то кое-кто непременно остался бы без уха. Но Светлые боги миловали, и стрела из доброго длинного лука достигла заранее намеченной цели, а именно тощего горла разбойника, где благополучно и застряла. Альс тем не менее бросил через плечо не слишком дружелюбный взгляд на напарника, не суливший тому ровным счетом ничего хорошего. Вряд ли злопамятный эльф позабудет Гринову оплошность, и неудачный выстрел еще долго будет темой для язвительных упреков в косорукости и ущербности, свойственных всему человеческому роду в целом и ему, Грину Снегирю, как типичному представителю своей расы, отмеренных Творцом не скупясь. С досады Грин едва не порвал тетиву, отчего стрела ушла куда-то в небеса. Т-треньк.

– Кармар!

Это старший из братьев Шшан завалил наконец бородатого здоровилу, с которым они рубились примерно на равных, и решил проверить, как дела у младшенького. Тому не до отзыва, Кармар отбивается сразу от трех головорезов. Нет, уже от двух. Крайний валится на землю с распоротым брюхом. А не зевай! Эльфийские клинки ой как остры. Резкий выпад, молниеносный взмах и мощный удар. Ну за эльфа-то волноваться особенно не требовалось, а вот парень из Трибара явно сдавал позиции. Кровь из продырявленной дротиком ноги так и хлестала. Грин со спокойной совестью пристрелил коротышку, приготовившегося уж было пырнуть трибарца, как бишь его там, ножом, затем еще одного мародера, и тут оказалось, что бой закончился. Альс и старший Шшан быстро добили раненых. О пощаде, кроме совсем молоденького паренька, никто не просил, но и его мольбам наемники внимать не стали. Согласно королевскому указу, дезертиров и мародеров надлежало уничтожать на месте разбоя. И те, кто устроил засаду на пути обоза купца Лотара, знали, что их ждет в случае неудачи. Эльф и могучий игергардец, от щедрости душевной, даровали им легкую и быструю смерть.

Мародеров, как водится, обобрали до нитки, полностью возместив их нехитрым добром моральный ущерб от нападения, а тела свалили кучей прямо возле дороги. Для устрашения и в назидание прочему сброду, промышляющему злодействами и грабежом на тракте. Прошлогодняя победоносная кампания с Оныгеном обернулась для Игергарда напастью, способной свести на нет все плоды долгожданной победы над извечным врагом и коварным соседом. Банды мародеров зверствовали на окраинах королевства всю послевоенную зиму, наводя ужас на хутора и небольшие села, умерщвляя все живое и разоряя хозяйства. Впрочем, справедливости ради следует заметить, что основная масса кровопийц состояла из вчерашних крестьян и ремесленников, вкусивших, внезапно став солдатами, радостей безнаказанности и вседозволенности. Меч да добрый арбалет, как оказалось, могли прокормить не хуже самого жирного поля, а ратное ремесло ценилось не меньше, а порой и дороже иного другого. А уж что касается баб, то, право слово, разве устоит хоть одна против крепкого мужика с мечом, особенно если лезвие покрепче прижать к ее горлу?

Взять хоть бы того же Грина. Кем был он до войны? Подмастерьем у вечно пьяного сельского плотника. Место, прямо скажем, не слишком веселое, да порой и недостаточно сытное. А в армии Грина ценили и уважали, он выучился стрелять из самострела и лука, и глаз у парня оказался не глаз, а алмаз. Оркам чистокровным фору давал, и немалую. И платили в армии, не чета хозяину, полновесным серебром. Вот и не вернулся Грин по прозвищу Снегирь в родную деревню. Грабить на большой дороге ему тоже не улыбалось, а потому направил он свои стопы к наемникам, что подражались к купцам в сопровождение торговых караванов. Братья Шшан и эльф Альс знали еще по Вольной армии, сражались на Яттском поле, после к ним прибились арбалетчик Малун и трибарец, а в Квилге к компании присоединился сам Грин. А вот повезло ли Грину, это был тот вопрос, на который у бывшего подмастерья ответа не было.

– Ты ждешь, пока сорока во рту гнездо совет? – поинтересовался Альс голосом, прямо-таки сочившимся ядом. – Тащи мою сумку, бестолочь.

Ну вот, началось, понурился Грин. Задумавшись столь несвоевременно над своей нелегкой судьбой, он пропустил момент, когда трибарца погрузили на телегу. Приказ Альса исполнять требовалось со всем возможным тщанием, ибо, сделав в его обществе три ходки от Квилга до Долю и обратно, Грин крепко запомнил, что ежели эльф обозлился, то от его придиорок житья не будет. Лучше и не спорить вовсе. Слякки из эльфовой сумки уже не один раз спасали раненых от заражения крови и горячки. Малуну они сберегли пальцы на ногах, а Кармару – левый глаз. Ногу трибарца промывала и перевязывала приبلудная девчонка Нили, но делала она это под чутким руководством Альса, втягивая голову в плечи при каждом ругательстве, на кои тот был горазд и щедр как никогда. Руки у девки как крюки, она то и дело больно сдавливала рану, роняла тряпки, норовя разбить или разлить лечебные снадобья, вызывая на себя град попреков от Альса.

– Потерпи, Дэнзэл. Скоро приедем в Долю, там я тебя к настоящему лекарю пристрою, – пообещал Альс.

– Х-хорошо, – прошептал трибарец, закрывая в изнеможении глаза. – Страсть как помирять не хочется.

– А кому хочется, – резонно заметил эльф. – Ты спи пока. А я с господином Лотаром побеседую.

– По поводу?

– По поводу денег, разумеется.

Грин облегченно вздохнул. Это он хорошо придумал – побеседовать с нанимателем до прихода в Долю, а то, глядишь, призабудет господин Лотар добавить к жалованью трибарца уговоренную сумму за понесенную травму. Купцы имеют обыкновение терять память, когда речь заходит о веселеньких кругляшках из драгоценного металла с профилем короля.

– А ты чему радуешься? – рывкнул эльф на расслабившегося было Грина. – Впереди еще три дня пути, лишний меч нам бы не помешал. Чего тут веселого?

«Не бойсь, уши при тебе останутся», – подумал Грин и едва не ойкнул, получив под нос кулаком, обтянутым серой кожей перчаток.

– Постарайся не злить меня, парень, – не сказал, а скорее прошипел эльф.

«Да что он, мысли читает?!» – изумился Грин, припоминая всевозможные байки, которые приписывали эльфам не только проницательность, но и способность наводить морок, отводить глаза и всяческими иными способами забираться честным людям в мозги. Обо всех эльфах Грин, понятно, судить не мог, так как знакомство свел с этой породой только на примере Альса. Но одно он знал точно. Хоть сей Альс был созданием чрезвычайно вредным, но никаких колдовских приемов не использовал, довольствуясь лишь мастерским владением двумя своими мечами. Тут было иное, догадался Грин. Бабка-покойница бывало говаривала, мол, у тебя, внучок, все помыслы на морде прописаны, как в книге какой. Делать рожу кирпичом он так и не выучился, вот и подловил его эльф, как маленького.

Весна была холодная и затяжная, дорога вкрай раздолбанная, засада бестолковая, наниматель скупой, а настроение хуже всего перечисленного раза в три. Раздражало абсолютно все: и напарники, и погода, и печальные глаза Нили, и бесконечные жалобы Лотара. Альс остервенело поскреб сквозь штаны зудящий шрам на бедре – последнее приобретение с Ятского поля. Шшан-старший с радостью свалил на его плечи все вопросы по части денег и издали, из-за самого последнего фургона наблюдал, как Альс спорит с Лотаром. А чем больше тот спорил, тем больше ему хотелось придушить жирного скопида голыми руками. Он даже прикинул толщину этой части тела у купца и решил, что благородный поступок потребует слишком много сил, совершенно не лишним в их нелегком и полном опасностей пути. Лотар упирался до конца, скуля о неминуемых убытках, малых детках, старушке-маме, разорении и гибели в общей могиле.

– Господин Лотар, – отчеканил эльф, равнодушно дослушав трагическую повесть о грядущих несчастьях купца, по-особенному выговаривая каждое слово на койле, отчего певучий в общем-то язык приобрел металлический отзвук поворота ржавого ключа в старом несмазанном замке. – Мы не на базаре, чтоб торговаться. Мы договаривались о чем? О доплате за ранения. Дэнзэл ранен. Значит, придется развязывать мошну, хочется вам того или нет. Я шуток с деньгами не люблю. И не советую вам со мной шутить.

Купец заткнулся, хоть и поджал недовольно губы. Собственно, предупреждения эльфа были совершенно излишни. У Альса была еще та репутация, и если бы не крайняя нужда, то Лотар, любитель экономии на других, ни за что не нанял бы эльфа, славящегося не только мечным искусством, но и щепетильностью в денежных расчетах. Мало кто рискнул бы его обмануть, сколь бы ни было велико искушение, ибо нет ничего опаснее для здоровья, чем гнев эльфа.

– Поднимите цену на свой товар – и окупите затраты на охрану. Мне ли вас учить торговать? – усмехнулся Альс, делая какой-то неопределенный жест рукой в сторону. – Прикажете ускорить движение, чтоб заночевать можно было в Ореховой лощине. Сегодня люди должны хорошенечко отдохнуть.

– Как скажете, уважаемый, – проворчал Лотар нехотя, но соглашаясь. Ему и самому до смерти хотелось поесть горячего и поспать по-человечески.

– Да... и девка пусть ухаживает за Дэнзэлом.

Купец только махнул рукой. Демоны с девкой, быть бы живу да не в убытке, а кобели обозные перебьются. На том и порешили.

Альс вернулся к телеге, в которой везли Дэнзэла, и объявил о решении Лотара всем, в том числе и Нили. И быстро отвернулся, чтоб не встретить ее благодарный, влажный взгляд. Ему надоело каждую ночь слушать тяжелое сопение под рогожами и затем приглушенные всхлипы. Ни вмешаться, ни помочь Альс не мог при всем желании. А он и не хотел, говоря откровенно. Во-первых, ему платили не за охрану девичьей чести, а совершенно за иное, а во-вторых, девка прекрасно знала, на что шла, когда просилась в обоз, в компанию к стаду мужиков. Несмотря на маленький рост и неказистый вид, девчонку оприходовали чуть ли не в первую же ночевку, невзирая на мольбы и слезы. Альс не слишком любил людей, еще меньше он любил дураков, а Нили принадлежала как раз к обоим видам сразу. Ведь не маленькая уже, должна понимать, что к чему, и что детей не в капусте находят, и как взрослые мужчины смотрят на одинокую девушку. Казалось бы, подобное случалось уже не раз и не два, а множество раз, пусть и с другими, и матери талдычат своим чадам о том же, и все равно девчонки продолжают играть с огнем, каждый раз обжигаясь. В одном и том же месте, так сказать.

Когда-то давно Альсу казалось странным неумное желание людских мужчин подмять под себя любую встречную женщину, оказавшуюся без должной защиты, невзирая на возраст и внешность. Та же Нили уж на что малопривлекательная особа, с кривоватым носом, тонень-

кими реденькими волосенками, тощая и с ног до головы покрытая веснушками, а все равно ведь польстились и на нее. Хотя почти все мужчины из обоза, что подручные Лотара, что сам купец, оставили дома жен – женщин гораздо красивей бедолажной приبلуды.

На взгляд эльфа, пожившего среди людей достаточно времени, чтобы иметь свое собственное мнение, это просто сама людская природа требовала власти над каждым, кто окажется слабее, кто не может дать достойный отпор, а насилие над женщиной – самый простой способ проявить собственную силу даже самому худосочному убожеству в штанах.

Девчонка была готова сапоги лизать тому, кто хоть на пару ночей освободил ее от унижения и мучений. Она ни на шаг не отходила от Дэнзэла, подавала ему воды, поила лекарствами, укрывала тощим одеялом. А стоило только Альсу бросить на нее мимолетный взгляд, как Нили вся напрягалась, чтобы, упаси боги, не упустить ни единого слова, готовая исполнить любое приказание. И от этой ее готовности ему становилось тошно.

Вечером пошел дождь, и не просто дождь, а настоящий ливень, который хорош в разгар лета, а ранней весной превращается в издевательство. Вся Ореховая лощина моментально превратилась в хлюпающее болото, и ни о каком пристойном отдыхе речи идти не могло. Наемники, всякий на свой лад, изошли руганью, памятуя о том, что дежурить всю ночь под проливным дождем придется именно им. Людям легче, они пустили по кругу флягу с крепким ячменным самогоном и кое-как согрелись. На Альса, лишённого такой возможности, они смотрели со всем возможным сочувствием, и дежурить он остался первым.

Именно в такие ночи, темные и сырые, Альс мог как никогда по достоинству оценить качества, доставшиеся ему от предков. Чтобы разглядеть хоть что-нибудь в окружающей тьме, часовой-человек должен был отойти подальше от костра, повернуться к свету спиной и напряженно вглядываться в непроглядную черноту леса, оставаясь при этом удобнейшей мишенью и первым претендентом в покойники при нападении на спящую стоянку. Эльфу же не требовалось подобных подвигов самоотверженности, все заросли вокруг открывались ему, как на ладони, прямо с самого удобного места возле огня. А все, чего не хватало глазам, дополняли уши, даром, что ли, острый слух эльфов вошел в поговорки и присказки. Но Альс не был бы чистокровным сидхи, если бы не обошел для порядка весь лагерь, прежде чем уместиться на сырой коряге и подставить теплу скрюченные пальцы. За голыми ветками орешника светились глаза по-весеннему тощего зайца, хрустнул тонкий ледок под чьей-то лапой – это жил ночной жизнью лес, жизнью правильной и праведной, заповеданной Творцом.

Нили старалась подобраться незаметно и неслышно, но с Альсом подобный номер не прошел.

– Что-то с Дэнзэлом? – осведомился Альс, не поворачивая головы. – Жар начался?

Девчонка от неожиданности ойкнула.

– Не-а. Спит, и жара нету.

– Так чего ты тут забыла? Ложилась бы спать, как все остальные.

– Я, энто... ну... навроде, – пробормотала Нили. – Навроде спасибо сказать.

Она уселась рядом, одновременно стараясь заглянуть Альсу в глаза и не коснуться его плеча.

– Будь добра, отстань. Ничего хорошего я для тебя не сделал и делать не собираюсь.

– А вот и неправда ваша... – горячо зашептала девушка. – Нешто я не помню, как вы отказом ответили... ну, тогда... когда они... когда... в общем, случилось... со мной. Да еще парнишку вашего прогнали. Ну, того самого... Грином которого кличут.

Почувствовав, как к горлу подкатывается желчная горечь, Альс невнятно хмыкнул. Вот уж чего не делал, так это не насиловал женщин. Убивать убивал, и не раз, о чем никогда не сожалел. Некоторых из них, выдайся такая возможность, следовало умертвить еще раз пять подряд без всякой жалости.

– Я поспервоначалу-то думала, что побрезговали, а потом понятно стало, что вы не такой... ну, как эти.

Альс неслышно рассмеялся, девчонка уже не раздражала.

– Я действительно «не такой». – Он, отодвинув прядь волос с виска, показал Нили классическое заостренное эльфье ухо. – Не великую же тайну ты открыла, человечек.

– Вам смешно, а мне горе, – обиженно заметила девушка.

– Надо было сидеть в своей деревне и не соваться на большой тракт. Здесь сыщется немало охотников до женской плоти. Да что я тебя учу, ты теперь сама ученая.

– А куда деваться-то прикажете, коли из дому гонят. В речке топиться?.. Ретегин обещался жениться... другую взял. У мачехи дите померло – опять я виновата. Ем много, толку мало. Нахлебница я, вот как говорят. Вот и подалась в Квилг. – Она потерла кулаком сухие глаза.

– Если ждешь, что жалеть стану, то не жди, не дождешься, – резко буркнул эльф, надеясь, что девчонка обидится и уйдет.

– Да вовсе я не жалуюсь. Я так, поговорить просто. Нешто я с кем тут поговорить могу? Вот в Долье, говорят, житье полегче, чем в том Квилге распроклятом. Город большой, работы много...

Вот чему Альс никогда не уставал удивляться, чем восхищался и чему даже порой завидовал, так это умению людей видеть надежду там, где оной и быть не может, верить и надеяться на лучшее. Всегда и везде. Вот так вот слепо верить, что за поворотом дороги поджидает удача и лучшая доля, разве это не лучший дар Творца? Доля, конечно, девчущку здорово разочарует. Разросшийся на военных поставках городишко являл собой неоглядное скопище грязных лачуг вперемешку с дешевыми кабаками и борделями, и любая жизнь не стоила там и погнутого медяка.

– А чем Квилг тебе не приглянулся? – поинтересовался Альс.

– Дык хозяин проходу не давал... хозяин лавки, значицца... Хозяйка била чем ни попадя, и скалкой, и метелкой, хозяйкина дочка чуть глаз железякой, ну, которой волосы скалуют, не выколупала. Разве ж это жизнь?

– А теперь, значит, лучше?

– Хуже, – согласилась Нили, погрузнев. – Я дурная была, сначала думала, хуже, чем в деревне, нету, затем думала, что в лавке удавиться можно, а теперь и не знаю.

«То ли еще будет», – мрачно подумал Альс.

– Сколько же тебе лет, человечек?

– Осьмнадцатый пошел, – гордо заявила девушка.

– Иди спать, до рассвета осталось не так много, – сказал Альс уже совершенно беззлобно. – Посмотри, как там Дэнзэл, и ложись.

Когда Нили шмыгнула назад к телеге, Альс только вздохнул. Они всегда так делали. Осторожно подкрадывались, давали повод себя пожалеть, безбоязненно забирались в сердце и оставались там навсегда, делая свои беды и заботы его бедами и заботами, а потом-потом они умирали, уходили, забирая с собой кусочек души. За это коварство Альс и не любил людей, за то, что они были ему небезразличны. И девчонка эта, на кой она ему сдалась?

До конца смены оставалось еще немного времени, и эльф, не доверяя свой мирный сон напарникам, почти слепым и глухим в ночи, сделал еще один круг по краю лощины. Он связал воедино невидимыми нитями все деревья и кусты, благо и те и другие полны были в эту пору свежими соками, струящимися под жесткой корой. Земля щедро отдавала детям своим силу, накопленную за время долгого зимнего сна под белыми-белыми снегами, новая жизнь уже стучалась в твердые почки, и тот, кто смыслил в природных превращениях, мог без труда извлечь волшебство жизни. Тут не требовалось ни особой одаренности мага, ни великих знаний, только умение видеть и чувствовать незримое. Кольцо защитной магии, построенное Аль-

сом, на самом деле не смогло бы отразить даже брошенный камень, только предупредить об опасности, и то только самого эльфа.

Альс заснул сразу, едва только сдал смену Малуну. Он нуждался в сне точно так же, как и люди, и приходил в ярость, когда какой-нибудь умник заявлял, что эльфы, дескать, вовсе не спят, а погружаются в грезы между сном и явью, заодно любуясь лунами и звездным светом. Ему всегда хотелось отыскать того шутника, кто придумал эти враки, и отправить грезить... куда-нибудь подальше и навсегда.

Не успел еще перевариться скорый и невкусный завтрак в луженых желудках наемников, как обоз атаковал целый отряд разбойников. Не меньше дюжины. И это в дневном переходе от Доли!

– Повозки в круг!!! – заорал Лотар, видя, как со всех сторон к ним бегут разбойники – кто с копьем, кто с мечом, а кто и с самострелом.

Но не тут-то было. Во-первых, с двух сторон от дороги поднимался склон, а во-вторых, у обозных тоже имелись глаза на лбу. Они запаниковали, хватаясь попеременно то за дубье, то за поводья, и тем самым упуская драгоценное время. А потом стало поздно. Каждый сражался сам за себя. И даже это получалось далеко не у всех.

Альсу досталось самому первому. Его ногу намертво пришили к боку Лентя толстенным арбалетным болтом. Несчастное животное закричало от боли, и вот бы рухнуть эльфу под тяжелую тушу и быть раздавленным в лепешку, но Альс все-таки успел выдернуть болт, спрыгнуть на землю и откатиться в сторону, спасая свои ребра, да и остальной скелет тоже. Невзирая на рану, он споро выхватил из заплочных ножен мечи, приняв на себя двоих. Нет, кажется, троих. Неважно, скольких. Время для него утратило свое плавное размеренное течение, разбиваясь на неровные отрезки. Некоторые мгновения вмещали в себя множество мыслей и движений, а иные заставляли вдруг видеть все и сразу, словно с высоты птичьего полета осматривать место боя.

Где-то рядом хрипло дышал старший из Шшанов, ему было пока не до младшенького. А Кармар уже лежал в грязи, разрубленный ровно пополам, и смотрел ярко-голубыми глазами прямоком в вечность. Грин расстрелял две трети колчана, заслониив собой Дэнзэла и Нили. Малун тоже сложа руки не сидел, и каждый его выстрел находил жертву, пока его самого не отыскала Неумолимая Хозяйка. Не сама, конечно, отыскала, а с помощью толстого пегого молодца в рвань, чей арбалетный болт оказался быстрее. Малун и вскрикнуть не успел, когда сталь вонзилась ему через ухо в мозг.

– Ка-армар!!!

Жизнь разделила двух братьев почти на десяток лет, а вот смерть взяла их одного за другим. Пожалуй, Валант даже не успел ужаснуться своей потере, когда и его сразила наповал шипастая разбойничья булава.

Альс прорубил себе дорогу к Грину, все еще невредимому и смертоносному, и встал рядом. Дэнзэлу он уже помочь ничем не мог. Кто перерезал трибарцу горло, так никто толком и не понял. Нили же, отчаянно защищавшая раненого, отделалась только огромной шишкой на лбу и порезанными руками. Она намертво вцепилась в мертвого уже наемника и орала дурным голосом.

В паре с метким стрелком Грином эльф представлял несокрушимую скалу, о которую разбивались все новые и новые атаки. Каждый выстрел Грина оборачивался прорехой в рядах лесовиков, каждый выпад Альса уносил жизнь. И так раз за разом. В конце концов из шестерых наемников в живых остались только эти двое. Маленький отряд принял на себя всю тяжесть нападения. Среди людей Лотара тоже были потери, но в итоге, когда стали считать убитых, обоз недосчитался только девятерых. Еще трое были серьезно ранены, а остальные могли похвастаться лишь царапинами.

Копать могилу Грину пришлось в одиночестве. Задача вполне посильная для крепкого мастерового парня, но тупая лопата и потоки воды, смывавшие комья земли обратно в яму, сводили все его немалые усилия на нет. Из обоза никто не вызвался в помощь, от Нили толку не было никакого, а просить эльфа Грин и вовсе не решился. От забрызганного по самые брови грязью и кровью господина Альса люди шарахались в стороны, как от зачумленного. Нечеловеческая сила, ловкость и жестокость заставили их по-настоящему ощутить его чуждую природу. Оружие нелюдя наносило страшные раны, не оставляющие врагу ни единого шанса уцелеть. Эльф работал мечами так, словно и не догадывался об усталости, с любой позиции, из любого положения, с любым противником. Грину самому становилось не по себе, когда он бросал взгляд на прямую спину наемника, который даже не поморщился, пока Нили неловко ковырялась в его ране.

– Ну, скоро ты справишься? – спросил господин Лотар недовольно. – Мы своих в Доле похороним. По-людски, на жальнике.

– Дык ты ж сам сказал, что телеги для наших у тебя нету, – удивился Грин. – Мне бы помощников парочку...

– Копай быстрее. Вишь, какой умный выискался! Да поторопись, ждать долго я не стану.

– Еще как станешь, – заявил вдруг Альс ледяным голосом.

– С чего бы? – Купчина решил, что теперь до Доли никакая опасность ему и его товару не грозит, и наглед прямо на глазах. – Тут до города рукой подать. Ежели чего, так и сами отобьемся. Могу прямо сейчас расчет сделать, – фыркнул он и, подумав, добавил: – По двадцать сребреников, как уговор был.

– Что?!

Грин вжал башку в плечи, едва слышав, КАК эльф сказал и КАК он поднялся на ноги. Так мог ожить и заговорить один из каменных идолов, что стоят в ряд возле квилгского магистрата, олицетворяя собой добродетели градоначальства. Человек просто не может так двигаться.

– А чего такого? – поспешил прикинуться дурачком Лотар. – Каждому по двадцать монет, а осталось-то вас всего двое. Мертвякам денежка вроде как ни к чему. – И нагло так хохотнул: – Гы-гы-гы.

«Все, сейчас зарубит на месте», – решил Грин. Они на самом деле остались одни. Одни против трех десятков Лотаровых приспешников, и сколь бы ловок и силен ни был господин Альс, но против такой силы ему не выстоять. А Грина забьют за компанию, чтоб не оставлять свидетелей. По спине, несмотря на ледяной ветер, пронизывающий до костей, потекла горячая струйка пота. Из оружия у Грина имелась только лопата, а у эльфа и вовсе голые руки. Парень напугался, но лопату перехватил поудобней.

– Сто двадцать серебряных ягров и ни соланом меньше, – спокойно сказал Альс.

– Вот еще! С каких делов-то? – заявил купчина, оглядываясь на своих людей, собравшихся неподалеку и недовольно бубнящих что-то о «проклятых нелюдях». И в руках у каждого имелся увесистый аргумент в виде дубинки.

– А с таких.

Альс протянул руку в сторону лежащих рядом покойников и сказал всего несколько слов на незнакомом языке. Земля под телами вздрогнула, тихонько вздохнула и стремительно стала втягивать их в свое чрево, словно ее незыблемая твердь сменила сущность и обернулась водой. Лотар побелел лицом, видя, как тонут в черной разбухшей почве безучастные ко всему мертвецы. Только они и остались спокойны и равнодушны к происходящему. Они да еще эльф. Обозные с отвисшими челюстями сделали шаг назад, позабыв и о дубинках, и своим многократным численным превосходстве.

– Э-э-э... – мучительно выдавил из себя купец.

– Вот именно, – согласился с ним Альс. – Деньги.

– А? – выдохнул тот, а глаза у него стали просто дикие.

– Деньги гони, – сказал эльф жестко и вытянул вперед руку в весьма узнаваемом жесте.

Лотар резво отшатнулся, издав невнятный шипящий звук, но, почувствовав, что наемник не намерен топить его живьем в черноземе, благоразумно поспешил расстаться с кошельком, бросив его под ноги Альсу. Эльф быстро зыркнул на Грина, дескать, подбери, тщательно пересчитал заработок, отсыпал звонкие монетки в ладонь, а сдачу вернул. Швырнул изрядно похудевший кошелек подальше за Лотарову широкую спину.

– Проваливай, курва, и на глаза мне более не попадайся. Еще раз увижу твою рожу – удушю твоими же кишками, – сказал Альс, как плюнул, и добавил парочку непечатных выражений, производя Лотару в кровные родичи мелкий и крупный рогатый скот.

– А как же... Доля?..

– Сами доплететесь, не маленькие. Расчет состоялся.

А делать нечего, пришлось Лотару убираться подобру-поздорову. Никто из остатков ума не выжил и связываться с колдуном не захотел. Грин купца прекрасно понимал. Ему и самому не терпелось поскорее заполучить свою долю и исчезнуть в любом направлении, противоположном от эльфа.

Теперь они остались втроем у крохотного могильного холмика. Почему втроем? Потому что Нили, притаившаяся тенью за спиной Альса, так с места и не сдвинулась.

– Ну, дык, чего теперича-то? Копать не надо? – спросил Снегирь чуть хрипловатым с перепугу голосом. Лопата словно приросла к его рукам.

– Да кинь ты ее, – предложил Альс. – Идем со мной...

– И я... и меня возьмите, – всполошилась девчонка, решив, что о ней позабыли.

Эльф ничего не сказал, и Грин на подгибающихся ногах побрел следом, молча отбиваясь от цепляющейся за руку девушки. «Придушит аль прирежет», – кувыркалась в голове мыслишка. Но, вопреки паршивейшему предчувствию, они в шесть рук притащили плоский с одного боку камень, который эльф неведомо когда приметил возле ежевичных кустов. Теперь место упокоения четырех наемников приобрело вполне пристойный вид.

– Нацарапать бы чего, – предложил Грин после некоторого раздумья. – А то, может, у кого из них есть родичи, жены там аль детишки. Как же они найдут могилку среди леса, да под диким камнем?

– Ты прав, – согласился Альс.

Эльф провел ладонью по неровном шершавому боку самодельного надгробия, не то прислушиваясь, не то разглядывая что-то. Снегирь в очередной раз подивился, какие у него красивые ровные пальцы, без раздутых суставов и выпуклых синих переплетений вен, словно ничего тяжелее гусяного пера эльф в них сроду не держал, не говоря уж о рукояти меча. Портит эти руки только то, что на трех крайних пальцах начисто отсутствовали ногти. Всякий раз Грин задавался вопросом, кто ж тот злодей, что рвал их с мясом, и как Альс отомстил ему за боль и ущерб. В том, что эльф обиды не спустил, сомневаться не приходилось.

Голос у Альса тоже мелодичным не назовешь, но когда он негромко запел на чудном языке, Грин замер и слушал, не отрываясь. Слов он не понимал, но казалось ему, что не только он, но и весь лес, деревья, птицы и зверье внимают этим колдовским словам и готовы вторить им на разные голоса. Отозвался же на песню мертвый могильный камень, когда на его поверхности проступили чуть выпуклые аддические руны. Когда-то мать-покойница заставила Снегиря выучиться грамоте, и он без труда прочел надпись: «Здесь лежат братья Шшан – Валант и Кармар, Малун из рода Паэро и Дэнзэл из Трибара – солдаты игергардского короля».

– По крайней мере я сделал для вас все, что мог, – сказал Альс после недолгого молчания.

В Долю, понятное дело, путь всем троим был заказан. Лотар со товарищи вполне успел отойти от испуга, сполоснуть пересохшее горло местным дрянным и крепким пивом и теперь,

несомненно, строил планы жестокого отмщения. Короче, Альс твердо решил обойти злополучный город стороной, Грин с ним согласился, а Нили была готова идти куда угодно, лишь бы не оставаться одной. Кроме отвоеванного серебра в запасе имелось оружие погибших, рукоять меча старшего Шшана украшали крупный опал и россыпь мелких гранатов.

Дожди кончились, дни становились все теплее, и по просохшей дороге они быстро добрались до Лирза. Девчонка, поначалу сильно устававшая, втянулась в бодрый ритм движения двух привычных к долгой ходьбе воинов и через пару дней могла считаться завзятой путешественницей. Привалы делали подальше от дороги, предпочитая обходить стороной многолюдные торговые караваны. В эту пору ночевка среди зверей была куда безопасней, чем меж людей.

Альс не собирался надолго задерживаться в Лирзе. Самое большее два-три дня, чтобы повыгоднее продать камни, поделить с Грином добычу и приобрести лошадь. Беднягу Лентяя пришлось умертвить, а двигаться дальше на север эльф предпочел бы не на своих двоих, а верхом. У Грина имелись свои планы, которыми парень не торопился делиться. Впрочем, на том никто особенно и не настаивал. А вот дальнейшая судьба девушки Альса беспокоила все больше и больше. Просто бросить ее посреди дороги эльф уже не мог, своей волей изменив ее жизнь и судьбу. Она была как забавный зверек, в меру глупый, в меру хитрый. Обычная крестьянская девчонка, незамысловатая, как полевой цветок. И о ней следовало хоть как-то позаботиться.

Всем хорош оказался Лирз, тихий уютный городок в окружении садов и крохотных прудов, но приличной гостиницы без клопов и блох в нем не водилось принципиально. По крайней мере так было лет двадцать назад, когда элфу довелось вкушать местного гостеприимства в последний раз. И, поскольку людские нравы Альсу были не внове, он справедливо полагал, что ничего там не изменилось. И верно, в первом же приюте для странников воняло так, словно все городские крысы устроили в его подполье свое главное кладбище. Следующий постоялый двор тоже чистотой не блистал, а воровская рожа хозяина настолько не внушала доверия, что Альс, уходя, лишний раз проверил наличие своего кошелька. Третьим заведением возможности Лирза исчерпывались, и если эльф не собирался ночевать на улице, то оставалось только соглашаться на паршивую стряпню и провонявшие мочой комнаты.

– И чего делать станем теперича? – осторожно спросила Нили, увидав перекошенное от злости лицо Альса.

Тот, по обыкновению своему, ответом не удостоил, полыхнув светлым серебром глаз, но Нили на него никогда не обижалась, продолжая смотреть снизу вверх на своего избавителя преданным щенячьим взглядом.

– А мне все одно где дрыхнуть. Можно темноты подождать да на чей-нибудь сеновал нагрнуть. Сто лет уже по-людски не спал, – предложил в свою очередь Грин. – Заморозков ночных, пожалуй, больше не будет.

Эльф уже готов был разразиться злым и громким словом, но, едва он приоткрыл рот, с другой стороны мостовой раздался резкий голос:

– Ириен! Ириен!

Пожилый господин в берете и широком теплом плаще устремился через дорогу напрямик к Альсу и его спутникам.

– Ты меня не узнаешь? Это я, Дугнас, Дугнас Виним.

Эльф сузил глаза, внимательно всматриваясь в старого знакомого, затем улыбнулся и распахнул дружеские объятия. Обнимались они крепко, но недолго.

– Ты вправду узнал меня, Ириен? – воскликнул мужчина.

– Конечно, – заверил эльф. – Не так много времени прошло.

Нет, годы, конечно, сказались на облике бывшего веселого студента Орфирангской академии, русые кудри поседели и поредели, морщины гусиными лапками залегли в уголках глаз, но сами глаза остались прежними, серьезными ярко-серыми. Эти глаза Альс не забыл. Даже

по людскому счету Дугнас не мог считаться стариком, разве только в глазах мальчишки вроде Грина. В сорок пять мужчина находится еще в расцвете сил.

– Это для тебя немного. Да ты и не изменился ничуть. Я сначала даже глазам не поверил.

Более всего господин Дугнас походил на завязанного книгочая, кем на самом деле и являлся, а Грин судил по пальцам, покрытым пятнами чернил, длинному острому носу с докрасна натертой переносицей и по сутулой спине человека, все время проводящего над книгой.

– В последний раз я услышал, что ты отправился в Маргар, друг мой, и уже не надеялся увидеться с тобой. Надо же, какая чудесная встреча. – Книгочей радовался, как малый ребенок. – Это твои друзья? Прекрасно. Тогда я всех приглашаю в мой дом.

– Пожалуй, Иррис будет не слишком довольна, – осторожно заметил эльф, помня о былых неприятностях.

– Да что ты. Ее нету уже десять лет, – пояснил охотно Дугнас.

– Иррис умерла?

– Нет, конечно. Просто сбежала от нас. Иррис нас всех переживет, – рассмеялся беззлочно тот. – Исключая, разумеется, вас, сударь мой Ириён, – поправился он. – Что ж вы стоите, гости дорогие? Милости прошу за мной. И вы, милая девушка, тоже.

Милая девушка залилась пунцовой краской и, опустив голову, поплелась следом за остальными. Такого доброго человека Нили еще никогда в жизни своей не встречала.

– А чегой-то вы господина Альса таким именем чудным называете? – подозрительно поинтересовался Грин. Так, на всякий случай.

– Вас как зовут, юноша? – любопытствовал Дугнас, щуря на парня близорукие внимательные глаза.

– Грин.

– А его – Ириен, – улыбнулся тот, поспешно добавил, уже обращаясь к Альсу: – Прости, что говорю в твоём присутствии в третьем лице, – и продолжил: – Альс – это прозвище. Вот у тебя прозвище есть, сударь мой Грин?

– Снегирем кличут.

– В переводе с классического эльфийского языка, именуемого ти'эрсон, слово «альс» значит «идущий по следам», то бишь по-простому выходит «охотник», – пояснил господин Виним, назидательно подняв палец.

Точь-в-точь учитель в классе для малышей где-нибудь при храме, решил Грин, определив для себя род занятий гостеприимного старикана, и прикусил язык, опасаясь новых наставлений. До самого дома молчал, слушал, как дружелюбно беседует с ним Альс, который Ириеном зовется. Оказывается, эльфы умеют улыбаться и уважительно разговаривать. Даже с людьми.

Дом Альсова старинного друга оказался под стать хозяину. Такой же узкий и странноватый. На чистую улочку выходил неширокий двухэтажный фасад на два окна, зажатый с обоих боков более солидными особняками. Внутри не чувствовалось женской руки, пахло бумагой и кожей, а в гостевых комнатах толстым слоем лежала многолетняя пыль. Грин сильно удивился, увидав, что к ужину вместе с хозяином вышла молоденькая девушка. А то, что она оказалась дочкой Дугнаса, стрелка только еще больше изумило. Может, хвора, решил парень. Он и представить себе не мог, чтобы здоровая девчонка не могла навести чистоту в отчем доме. Его родные сестры с малолетства приучались к домашнему хозяйству и к соответствующему возрасту могли достойно содержать дом.

– Это моя младшая дочь, звать ее Илаке.

Издали они с Нили были похожи, но то, что у спутницы было болезненно тощим, непропорциональным и, прямо говоря, некрасивым, у дочери Дугнаса оказалось изящным, аккуратным и хрупким – шея, запястья, линия носа и губ, плечи. Даже волосы, темно-русые и немного выющиеся, у Илаке казались шелковистыми и гладкими, а у Нили – блеклыми и тусклыми.

Природа, как обычно, распределила свои дары необъяснимо несправедливо, и каждой из девушек достаточно было бросить на другую заинтересованный взгляд, чтобы понять эту простую истину. Нили опустила глаза dolu и весь ужин не смела оторвать их от созерцания нехитрого узора скатерти. Каждое ее движение было скованным и оттого еще более неловким. Экая красавица, восхищенно думала она без всякой зависти. Живет в городе, в собственном доме, папаша не бьет, а напротив, покупает платья и башмаки, кушает из настоящих тарелок, прямо таки как благородная дама.

Нили и раньше подозревала, что где-то в большом и многолюдном мире живут красивые барышни с чистенькими ручками, которым от жизни достаются подарки, забота, любовь, а болячки, тяжелая работа и грязные похотливые мужики обходят стороной. Так человек, умеющий читать, знает из книг, что на далеком юге, на другом континенте живущие там люди едят диковинные плоды, вкусом напоминающие одновременно яблочный пирог, сливки и медовые коврижки, но при этом прекрасно понимает, что самому ему никогда такого фрукта не отведать. А потому стоит ли переживать, что удивительный деликатес минует твой рот, когда ни разу его не пробовал? Нили даже не сильно расстроилась, что горожанка оказалась настолько лучше и привлекательнее. Иначе и быть не могло. Красивые должны быть богаты и счастливы, уродливые – бедны и обижены. Обозная подстилка не может рассчитывать на милости судьбы, так заповедано всеми богами, и не стоит роптать.

Голос Илаке был мелодичен, как маленький серебряный колокольчик, тронутый утренним ветерком, он вырвал Нили из ее серьезных размышлений.

– Скажите, господин Ириен, вы часто думаете о смерти? – спросила девушка без всякого смущения, глядя в упор на эльфа.

Рука Альса с полной ложкой зависла в воздухе недвижимой. Грин от неожиданности поперхнулся коркой и зашелся в кашле, пока Нили не постучала ему кулаком по спине. «Вот так барышня!» – было написано на его простодушной физиономии.

– Что-что? – переспросил эльф.

– Илаке... – тяжело вздохнул ее отец.

– Я просто задала вопрос, папа. Наш гость наверняка много раз думал о жизни и смерти, – с самым невинным видом продолжила Илаке. – И я хотела бы узнать, не устал ли господин Ириен от своей долгой жизни.

Тот опустил ложку и со стремительно нарастающим удивлением воззрился на девушку. Чего-чего, а такого интереса к своей персоне эльф от юной барышни совсем не мог ожидать.

– Говоря откровенно – нет. Невзирая на все прожитые годы, полные разных событий, плохих и хороших, мне моя жизнь нравится. И я не тороплюсь с ней расставаться, – сказал он довольно холодно и, немного поразмыслив, добавил: – И никому не даю сделать это против моей воли. Вас устраивает такой ответ, маленькая госпожа?

– Вполне, – молвила Илаке и церемонно кивнула головкой.

– О светлые боги, когда ты перестанешь меня позорить? Чем я провинился перед небами, раз они послали мне такую дочку?

Дугнас постарел прямо на глазах, из зрелого, хоть и немолодого мужчины превращаясь в отягощенного всеми печальми мира старика.

– Прости, папа, – сказала девушка, но и малочувствительный, грубый мастеровой парень Грин почувствовал, как мало в ее словах было искренности. Никакого раскаяния девица не ощущала нисколько.

– Ила, Ила... – пробормотал себе Дугнас под нос.

Илаке же в ответ только пожала худеньким плечиком, дескать, какая досада, что ее вполне невинные слова непонятно почему так расстроили и даже рассердили папочку. Как ни в чем не бывало поужинав, она удалилась к себе, сославшись на головную боль.

– Не обращай на нее внимания, Ириен, – бурчал Дугнас, провожая дочку раздраженным взглядом. – Разбаловал я ее сверх всякой меры, вот и пожинаю плоды воспитания. Порой мне кажется, что книжная премудрость для женского ума есть настоящий яд. Слишком начитанная барышня становится бедой для родителя.

– Вот уж не ожидал от тебя такого заявления, – усмехнулся эльф. – Куда подевалось твое вольнодумие? Уж не злыми ли женскими языками уморено?

– Не говори, друг мой. Воистину, верно сказано почтенным Салмиром Инисфарцем: что в щепотке – лекарство, то в бочке – отрава. Во всем важна мера. Что во врачевании, что в ремесле, что в чтении книг.

– Забавно слышать это из уст человека, который всю жизнь посвятил толстым томам и прочим инкунабулам. Похоже, на тебя самого яд книжной мудрости не действует так пагубно.

Эльф, подперев кулаком подбородок, наслаждался беседой. Он не просто был рад видеть старого приятеля, его вдохновляла сама возможность поговорить с образованным человеком после полугода, проведенного среди отребья, коими полнится любая армия любого государства: солдат, наемников, всякого рода рубак, предпочитающих разговорам жбанчик пива, визжащую служаночку и пол-локтя доброго железа в брюхо излишне болтливому умнику.

– Мой разум – это разум взрослого человека, опытного в жизни, много познавшего и пережившего, – глубокомысленно вещал Дугнас. – Я пришел к выводу, что ребенка полезнее всего приобщать к чтению постепенно. От простого повествования к сложному, от сказок к описаниям путешествий и подвигов древних героев. А уж к познанию философии допускать в последнюю очередь, когда ум сформируется в достаточной степени, чтобы правильно понять раскрывшиеся истины.

По всей видимости, младшая доченька подвигла ученого отца на такие умозаключения, и Дугнас излагал наболевшее с убежденностью одержимого, поначалу не замечая, что гости начали клевать носами. Нили вообще откровенно задремала.

– Да что это я – опомнился хозяин. – Уже, должно быть, и вода для купальни согрелась, и комнаты готовы. Вот старый дурак, – шлепнул себя по лбу Дугнас. – Ты уж извини великодушно, Ириен.

– Ничего, еще успеем и поговорить, и на жизнь пожаловаться, – согласился тот.

Ириен устроился на широком подоконнике, отодвинув в сторону большой горшок с кустиком декоративной розы. Окно выходило на задний двор, превращенный практичным хозяином в маленький огород, чтобы свежая зелень всегда была под рукой. В аккуратных грядках ковырялась Нили, высаживая какие-то бурые луковички ровными рядами вдоль натянутой на колышках бечевки. Комья темной земли, налипшие на пальцы и ладони, ничуть бывшую крестьянку не смущали. Наоборот, похоже, Нили впервые за долгое время чувствовала себя по-настоящему счастливой. И возня на кухне, и работа на огороде были ей ни капельки не в тягость. И даже мелкий морозящий дождик девушку только порадовал, обещая на грядках скорые и щедрые всходы.

Вежливое покашливание отвлекло внимание эльфа от пейзажа за окном. Это Дугнас решил напомнить о себе. Куда подевался тот бесшабашный юноша, для которого двадцать пять лет назад не существовало, казалось, ни сословных, ни расовых и никаких прочих границ? А теперь Дугнас напряжен, как тетива лука: настороженный взгляд, глубокие морщины на лбу...

– Мне нужна твоя помощь, Ириен, – сказал он.

Мысленно эльф усмехнулся, сохраняя на лице маску серьезности. А как могло быть иначе? Память Ириена хранила не менее сотни случаев двадцатипятилетней давности, когда старина Дуг начинал разговор именно с этой фразы. Заканчивались истории для обоих, как правило, тоже одинаково – грандиозной попойкой, дракой и штрафом в пользу короны. Или тем же самым, только в обратном порядке. Что ни говори, а при прежнем короле в Орфиранге

нравы были попроще, чем теперь, и Ириену иногда было приятно вспоминать годы, проведенные в столице.

– Рассказывай, чем смогу, тем помогу.

– Не знаю, с чего начать.

– Начни с начала, – ухмыльнулся эльф легкомысленно и почти беззаботно. – Что-то раньше ты не был таким стеснительным.

– Старею, дружище, – грустно улыбнулся в ответ человек. – Надеюсь, тебе не нужно объяснять, какая разница между старостью тела и старостью души?

– Нет, пожалуй, это будет лишним.

– Беда у меня, Ириен. Откуда не ждал и подумать не мог, что появится, – вздохнул Дугнас. – Когда Иррис сбежала... Ты, как всегда, прав оказался. Она все-таки сбежала. Так вот, когда это произошло, Птиер уже большой был, он все понимал. А Илаке... ей едва шесть сравнялось. Совсем малышка еще. Мне тяжело было девочке объяснить, что мама ее не вернется, что она предпочла богатого купца из Ланданаггера. Вот и разбаловал Илаке. Все ей позволялось, и то, за что Птиер получал по заднице, прощалось Илаке. Не подумай, девочка была сама кротость и послушание. Тихонечко в куклы играла в уголке, кашу ела без капризов, с радостью училась грамоте и счету. А уж от книжек ее не оторвать было. Там, где Птиер через пень-колоду проползал, она схватывала на лету. Мне, знаешь ли, здесь, в Лирзе, слепая Каийя улыбнулась по-настоящему. Я всех детей здешних выучил читать и писать, никто из местных на оплату не скупится. Это раньше уважающий себя купец полагал, что лучший счет это денежный. А теперь времена иные, все хотят, чтоб наследники грамотными и образованными были. Уважаемым человеком я стал. Ты не поверишь, но кое-кто доверяет мне свои денежные дела вести, чтоб учет доходов и расходов не абы какой, а по науке.

– Тебя обманул торговец? – спросил Ириен.

– Нет, что ты! – замахал руками Дугнас. – Все дело в Илаке. Видишь ли в чем дело... Год назад, если не больше, две молоденькие девушки, подруги Илаке, отравились насмерть. Специально выпили яд, понимаешь? По своей воле.

Брови эльфа изогнулись в невысказанном вопросе, подстегивая долгое повествование ученого.

– Эрфи и Клисса оставили записку, что жить в этом жестоком мире им тяжело и они добровольно покидают его вместе. Обе девушки были из уважаемых, обеспеченных семей, у них было все. Понимаешь, никаких забот, никаких болезней. Даже женихов у них не было. Страшно вспомнить. Потом, через полгода, юноша, сын лекаря, вскрыл себе вены, а следом за ним из петли вынули десятилетнего мальчишку, сына богатой вдовы Ритт.

– Что могло заставить таких молодых людей оборвать свою жизнь в самом ее начале?

– Никто не знает. Ты ведь помнишь, я никогда не был особенно набожным и в храм меня можно было лишь силой затащить, а тут сам ходил и к Двуетиному, и к Властителю Небес, и в священную рощу. Не знаю, каким богам молиться, чтоб напасть эта обошла мой дом. Думал, что уж моя-то девочка никогда и ничего подобного не придумает.

Ириен мгновенно вспомнил странные вопросы Дугнасовой дочки, так поразившие и Грина, и Нили, и даже его самого. Молоденькие девушки над вопросами жизни и смерти задумываются в последнюю очередь. Молодости свойственны беспечность и уверенность в том, что смерть – это то, что случается с другими.

– А совсем недавно, – продолжал Дугнас, – нашел в ее комнате книгу. Вот она. Смотри.

На ладонь эльфа легла пухлая книжечка в дешевом деревянном переплете. «О всяческих свойствах растительных соков и употреблении оных в ядоварении» называлось сочинение анонима и содержало действительно немало интересных опытов. Ириен осторожно пролистал страницы, все больше и больше убеждаясь, что книга не могла оказаться в руках юной девы из чистого любопытства. Таблицы расчетов концентраций декоктов, смертельные дозы, пере-

ложенные на вес, описания признаков отравления, а также быстрое действие разных ядов могли заинтересовать либо опытного отравителя, либо самоубийцу. Ириен вопросительно взглянул на старого приятеля. Когда-то им не нужны были слова, чтобы понимать друг друга. Кое-что в этом мире не меняется даже через двадцать пять лет.

– Она решила уйти, как те две ее подружки. – В словах эльфа не было вопроса.

– Сначала я грешным делом подумал, что моя Илаке убийца. Но потом она призналась, что хочет умереть. И показала порезанные руки... Ее испугала кровь.

Дугнас закрыл лицо ладонями, отгораживаясь в своем горе от всего мира. Отчаяние отца сочилось из каждого слова, готовое прорваться в рыдании. Он тоже не мог понять, зачем, почему молоденькой девушке, только начинающей жить, у которой впереди лучшие, самые прекрасные годы, хочется уйти в могилу, нарушить все запреты людей и богов.

– Может быть, любовь? Юноша обидел.

– В том-то и дело, что нет. Илаке твердит, что смерть сладка и прекрасна, что весь смысл жизни в смерти, что нужно умирать молодым и красивым, а не старым и уродливым. Я отобрал у нее все пояса и шарфы, ножницы и все, что может причинить вред. Держу как пленницу в доме. Не знаю, что и придумать еще, чтобы глупая девчонка руки на себя не наложила.

– Значит, вашим детям заморочил головы какой-нибудь бродячий проповедник. Есть такие смертелюбивые безумцы, – предположил Ириен.

– Вряд ли. Я думаю, они что-то из книг вычитали. Многие философы задавались вопросами жизни и смерти. Это вообще свойственно людям, – невесело усмехнулся Дугнас. – Живем мы мало и тяжело, а почему, никто понять не может, как ни тщится.

– Какой же ты хочешь помощи от меня? – напрямую спросил эльф.

– Птиер с женой живут в Ритагоне уже два года. Устроились неплохо, своим домом обзавелись. Я ведь уже дедом стал. Маленькому Дугу скоро годик стукнет, – признался ученый, не скрывая гордости. – Хочу Илаке к брату отправить, подальше от старых друзей, от мыслей дурацких. Ритагон город большой, там всяческих красот не счесть, самое лучшее место, чтоб молоденькая барышня и думать забыла о смерти. Разве не так? Ты сам много раз говорил, что Ритагон самый прекрасный город, построенный людьми под двумя лунами. Помоги мне, ради старой дружбы, отвези туда мою дочь.

– Как ты себе это представляешь, Дугнас?

– Очень просто, – заверил тот. – Я дам вам лошадей, запасов в дорогу, денег – все что пожелаешь. Дорогу в Ритагон несколько лет назад отремонтировали, так что до места вы доберетесь самое большее за два шестидневья.

Сказать, что Ириену очень не хотелось связываться с разбалованной девчонкой, значило ничего не сказать. Как ни жалел эльф измученного тревогой отца, но где-то в глубине души он всерьез считал, что нежелание жить является глупостью, за которую полагается суровое и немедленное наказание. В конце концов, разве он нянька или что-то задолжал бывшему орфирангскому студиязу? Путь его действительно лежал на север, но в Ритагон сворачивать Ириен не планировал. Когда-то там у него был дом... Случилось это в те годы, когда эльф еще не понимал, что истинный дом тот, который всегда с собой, который невозможно разрушить, сжечь или продать, что настоящий дом можно построить только в глубине души, населить его не вещами, а любовью и радостью, воспоминаниями и надеждами. Но все равно Ириен точно знал, что не сможет не пройти мимо небольшого особнячка на улице Трех коней, скрытого от посторонних взглядов рядом высоких кустов реньи, цветущих в начале лета желтовато-зелеными пышными соцветиями. Дело было даже не в самом доме. Просто Ириен прекрасно знал, что покинутые города причиняют такие же страдания, как покинутые женщины, и новая встреча с ними ничего приятного не сулит, лишь полынно-горькие, как степной ветер, воспоминания.

Дугнас убеждал эльфа как только мог, пуская в ход все свое красноречие, умоляя, прося, давя на жалость, взывая к чести и совести, но все без толку. Тот даже не старался делать вид,

что слушает, отрешенно устремив взгляд за тонкий переплет окна. Там крестьянская девушка привычно копошилась в земле, засевая семенами салатницы последнюю грядку. Нили, словно спиной почувствовав, что за ней наблюдают, подняла лицо и, увидев эльфа в окне второго этажа, приветливо помахала грязной ладошкой. Вот кто ценил жизнь и цеплялся за нее обеими руками.

– Хорошо, я отвезу Илаке в Ритагон, – неожиданно сказал Ириен. – Но только с одним условием.

– Каким?

– Ты оставишь у себя Нили. В качестве служанки ли, кухарки ли, неважно. Главное, чтобы у нее была крыша над головой. Договорились?

Дугнас не верил своему счастью. Да что угодно, хоть десяток девушек приютить. Он согласно затряс головой.

– Даю тебе два дня на сборы, – сухо сказал эльф. – Лошадь, припасы и деньги остаются также за тобой, Дугнас. Впрочем, животное я выберу себе сам.

В мужском платье Илаке сама себе безумно понравилась. Темно-зеленый камзол ладно сидел на точеной фигурке, черные брючки из мягкой кожи выгодно подчеркивали стройность ног. Девушка повертелась перед зеркалом так и эдак, прикрепляя к прическе маленькую шапочку с соколиным пером и застегивая на талии пояс с блестящей медной бляхой. Уж как не хотелось ей ехать под надзор к брату, но ради такого восхитительного наряда можно согласиться на многое. Даже на компанию простака-деревенщины и эльфа-наемника. Откуда у ее благообразного скучного папаши отыскался такой знакомец, Илаке только диву давалась. Возбужденная предстоящей поездкой, она быстро выскочила на крыльцо.

Оба телохранителя уже поджидали Илаке, не проявляя никакого нетерпения, пока девушка прощалась с отцом. Дугнас купил для дочери замечательную серую лошадку, не поскупился он и на крепкого трехлетку для лучника Грина. Выбор же эльфа сильно всех озадачил: его кобыла казалась сшитой из нескольких пестрых кусков шкуры – белых, коричневых, желтых и серых. Наверняка торговец, избавившись от нелепого животного, напрямик отправился в храм заказывать небесам благодарственную молитву. Самого же Ириена странность раскраски его приобретения ничуть не смущала, наоборот, он счел сделку более чем удачной и чужим мнением не интересовался.

– Прощай, Ириен, – просто сказал Дугнас, пожимая твердую, как доска, узкую ладонь эльфа. – Прощай и спасибо.

– Прощай, – отозвался тот.

Вряд ли им доведется встретиться еще раз, оба это знали, но если для лирзского ученого подобные прощания внове, то у Ириена их накопилось много, даже слишком много. Он скупно улыбнулся зареванной, но счастливой Нили. По крайней мере от этой обузы он теперь избавлен, пусть теперь Дугнас возится с девчонкой.

Илаке ловко взобралась в седло (спасибо папочке за уроки верховой езды) и, послав отцу воздушный поцелуй, гордо прищипорила лошадь, чувствуя как никогда ранее свою значимость. Жаль только, что утро было раннее и мало кто из соседей смог увидеть, как Илаке покидает отчий дом.

Полусонный стражник у городской заставы хмуро оглядел ранних путников и без лишних вопросов поднял перед ними желтую перекладину, освобождая дорогу. И тут-то Илаке внезапно обнаружила, что, проведя под домашним арестом почти целый месяц, она пропустила приход весны. Молодая листва сияла на солнце нежной зеленью, радуя утомленные за зиму глаза свежестью и новизной. Небо огромным куполом опрокинулось на сверкающий мир, и вечно сумрачный серый Лирз показался девушке забытым сном. Мир был полон красок, звуков и запахов. Все-таки даже в самом чистом городе запахи остаются прилипчивыми и тяжелыми от скопления человеческих тел, от животных, от всяческого ремесла. Нос к ним быстро

привыкает, и человек перестает их замечать, пока не покинет пределы людского поселения. Илаке тоже вдыхала запахи земли и травы, жмурясь от наслаждения, пока носик ее внезапно не соприкоснулся с очень неприятной вонью. Она встрепенулась. Так могли вонять только трупы. И верно, совсем рядом с дорогой, прямо с ветки старого дуба свисало два тела. Илаке хотела побыстрее проехать мимо, но эльф, остановив свою лошадь, придержал и ее Крупинку.

– Гляди-ка, каковы красавцы, – сказал он, ухмыляясь самым препаришным образом. – Еще с зимы висят. Не хочешь рядышком устроиться, сударыня Илаке?

Лучник глупо хохотнул, глядя на вытянувшуюся физиономию девушки.

– Зачем? – не поняла она.

Эльф изобразил крайнюю степень удивления на лице и голосом, полным нескрываемой издевки, спросил:

– Это ведь ты любишь говорить о смерти и считаешь, что жизнь груба, а смерть прекрасна и величественна. Разве нет?

– Так сказала не я, а один мудрый человек, – ответствовала с достоинством девушка. – Я говорю об Эрлионе, орфирангском поэте и сочинителе, если это имя вам знакомо, господин Альс.

– И в чем же, позволь узнать, красота и величие вот этих двух? – продолжал любопытствовать эльф, указывая на куски изуродованной плоти, в которых уже с трудом узнавались люди.

Разумеется, ничего замечательного в мертвецах не было. А кроме того, они смердели на всю округу так, что щипало глаза, но Илаке не желала уступать в споре.

– Я не знаю этих... людей и за что их повесили... Но наверняка за дело. Возможно, они были разбойниками или ворами. И их смерть отличается от добровольного ухода из жизни. Смерть насильственную и добровольную сравнивать невозможно.

Эльф задумчиво оглядел сначала висельников, а затем девушку с выражением крайнего сомнения на лице.

– Ты хочешь сказать, что если повесишься где-нибудь подальше от двух негодяев на цветущей вишне, совершенно притом добровольно, да еще в чистом нижнем белье и розовом платье, то через два месяца будешь выглядеть много лучше и пахнуть гораздо приятнее?

– Это некрасивая смерть! – воскликнула Илаке. – Не нужно все время передергивать. Для того чтобы уйти из жизни по собственной воле, нужно иметь много мужества и духовной силы. Того самого, чего у большинства обывателей нет и в помине.

– Да уж, а еще совершенно необходимо иметь большой запас глупости, эгоизма, тщеславия и наивности, – охотно согласился эльф.

И пока девица, в досаде стукнув кулачком по луке седла, тщетно старалась подобрать нужные аргументы, он шлепнул по шее свою уродину-кобылу и как ни в чем не бывало потрусил дальше по дороге, словно мгновенно позабыл об их споре.

Сглотнув обиду и получив от Грина косую усмешку в придачу, Илаке не столько расстроилась, сколько рассердилась, в основном на себя. В гостиную у подруги Вальтис или у не менее образованного Корда Фери она с легкостью давала отпор любому оппоненту, ловко выстреливая цитатами из научных трактатов, стихотворными строками знаменитых суровой жизнью и трагической смертью поэтов, разбивая встречные доводы одной лишь игрой ума. Поразмыслив, Илаке списала свое теперешнее поражение на смену впечатлений и внезапность эльфьего словесного нападения. Ничего-ничего, она ему еще покажет. Что-что, а смутить начитанную и бойкую на язык дочку Дугнаса Винима не так просто, как кажется. Для начала Илаке надулась и весь день не разжимала губ, играя в молчанку. Однако тактика, которая безотказно действовала на отца, на наемников никакого влияния не оказала. Впрочем, ее телохранители говорливостью не отличались и от того, что девица угрюмо молчит в течение всего дня, никак не пострадали. Им-то что, они привыкли целыми сутками не вылезать из седла, а вот Илаке

порядком измучилась, отбив себе весь зад. Но гордячка изо всех сил стараясь воздержаться от жалоб. Еще не хватало, чтоб она просила об отдыхе всяких хамов и неучей. Когда же эльф объявил, что пора сделать привал, Илаке едва сдержала стон облегчения, еще не подозревая, что мучения только начались. Она тяжелым неуклюжим мешком сползла на землю сама не своя от усталости. Ноги болели и отказывались сгибаться в суставах, спину пекло огнем, и каждая жилочка молила о пощаде. Единственное, что девушка могла сделать самостоятельно, это рухнуть на землю.

– Ишь ты, уморилась никак, – хмыкнул Грин.

– Запомни, Снегирь, – насмешливо заметил Альс. – Гордость – это такая роскошь, которая далеко не всем оказывается по плечу. Наша барышня, похоже, почитает себя умелой наездницей и жаловаться на натертую задницу не может по принципиальным соображениям.

– По каким-каким ображениям? – переспросил стрелок.

– Принципиальным, Снегирь. Это когда человек решает сам для себя, что так он будет делать, а эдак – никогда. И строго придерживается установленных правил.

– Ага, у нас в деревне энтот прынсып называют бзиком и крутят пальцем у виска. Ну, буду таперича знать.

– Ну зачем же так. Иногда принципы дело хорошее, даже в чем-то полезное. Вот если, к примеру, трактирщик принципиально откажется разбавлять пиво, почитая такое поведение безнравственным и преступным, то ничего плохого, кроме хорошего, не будет.

– Ежели не считать, что разорится энтот ваш трактирщик в три счета, то оно конечно. А с чего ему прикажете на лапу мытарю давать? Нешто мы не понимаем тонкостей. Пушай разбавляет, но не шибко нагло, да воду берет, которая почище. И ваще, меня от крепкого пива пучит.

– Это ты у нас такой понятливый, а барышня Илаке смотрит на вещи иначе.

Он говорил так, словно Илаке рядом вовсе не было, как о постороннем предмете, продолжая расседлывать лошадей. Грин собирал хворост и возился с костром. А у измученной девушки не осталось сил для обид и достойного ответа. Даже если б она хотела помочь наемникам по хозяйству, то все равно не смогла бы двинуть даже пальчиком. У них и без ее помощи получалось прекрасно. Благо Дугнас дал в дорогу головку сыра, изрядный окорок, целую гору лепешек, крупу и масло. Эльф заварил каких-то сушеных ягод, сладковато-кислых на вкус. И, пока наемники неторопливо смаковали ароматное питье, Илаке торопливо, как голодная волчица, проглотила свой ужин, обжигаясь отваром. Тепло костра, сытая тяжесть в желудке и усталость увлекли девушку в сладкие объятия сна. Она спала и не видела, как Грин, сводив лошадей на водопой, перебирает серебряные монеты, мечтательно любясь их тусклым блеском, в мельчайших деталях воображая, на что истратит свое нежданное богатство. Как Альс медленно бродит вдоль границы света от костра и кромешной темноты тревожной легкой тенью, не то прислушиваясь к звукам ночного леса, не то выглядывая что-то в черной непроглядности ночи. Утром они на пару будили девчонку битый час. Так крепко и сладко Илаке не спала давным-давно, с тех пор, как ушла мама.

Каждый последующий день был как две капли воды похож на предыдущий. С той лишь разницей, что народу на тракте становилось все больше и больше. Порой Грину казалось, что весь Игергард отправился в путь. Одна половина шла в Ритагон, а другая в обратном направлении. Вдоль дороги, как грибы, росли постоянные дворы, но эльф не слишком стремился к удобствам ночевки под крышей. Оно и понятно, думал стрелок, соваться с молодой девкой в эти вертепы, забитые до отказа озверелым мужичьем, – дело, чреватое очередным смертоубийством. Была б девка как девка, тихая да скромная, а лучше в платьице стареньком, то еще куда ни шло. А так... Да и не было особой необходимости тратить деньги на постоянных дворах. Дни становились длиннее и теплее, а на свежем воздухе сон здоровее будет, справедливо

полагал Грин. Что касалось лично его, то Снегирию путешествие нравилось, очень даже нравилось. Сверху, из седла собственной лошади, смотреть на пеший люд весьма приятно, особенно на таких же, как он в недавнем прошлом, сиволапых крестьян, хорошо знакомых лишь с тяжелым трудом. Вот взять хоть его родного папашу, который держался за убогий надел с упорством полоумного, надрываясь от рассвета до заката. Тот за всю свою жизнь даже в соседнем зачуханном городишке не бывал, не говоря уж про Квилг, Долью или Ритагон. И не побывает никогда, и братья Гриновы никуда дальше родного елового леса не денутся, где только лоси да волки. Потому как сами хуже всякого дерева росли крепко-накрепко в землю, которая год от года родит все хуже и хуже, словно пытается таким образом избавиться от назойливых людей-паразитов, пьющих ее соки. Грин же чувствовал себя вольной птицей и ничуть, ну ни капельки не жалел о том, что не стать ему продолжателем славного фермерского рода. Ладно, он человек. А если взять того же самого эльфа? Не сиделось же господину Альсу за горами в ихнем эльфьем царстве, где, говорят, ни у кого ни в чем нужды нет, а земля дает урожай сама по себе. Даром что колдун и воин не из последних. Так нет, мотается по городам и весям, и за морем был, и во всех землях Запроливья. А зачем, спрашивается? Папаша Гринов не сможет ответить, и братья у виска пальцами покрутят, а Грин знает точно. Невелика наука, если вдуматься. Ежели ты не трусливая бестолочь, не тугодум и в обиду себя не даешь, то нечего ждать-ждать, когда злой бог судьбы ниспошлет свои милости. Надо брать судьбу за хвост, как шkodливую кошку, и совать себе за пазуху. И делать, что душа пожелает. Чего желала душа эльфа, Грин и представить себе не пытался, а вот чего хотелось ему самому, он знал точно. Доберутся до Ритагона, а там можно и на герцогскую службу податься. Глядишь, выбьется Грин Снегирь в десятники, а то и в полусотники. Чем боги не шутят. Дальше загадывать Грин не решался, потому что даже от мыслей таких у него пересыхало во рту. Судьба, мать ее растак. За шкуру ее, за шкуру, шалопутную.

Ириен свернул с тракта внезапно, словно кто-то невидимый громко окликнул его из чащи. Не говоря худого слова, махнув предупреждающе рукой, он нахлестнул свою лошадь и мигом скрылся в зарослях. Грин и Илаке недоуменно переглянулись, но последовали примеру Ириена. Кое-как защищаясь от хлещущих упругих веток орешника и тихонько ругая эльфы выдумки, они протиснулись в гущу леса, стоявшего вдоль тракта неприступной стеной. Оказалось, не такая уж и стена: тут полянка, там овражек. Словом, захочешь – не заблудишься.

Эльф свесился с седла и что-то разглядывал на дне оврага, но слезать с лошади не торопился. Нефритовые шарики на его косе раскачивались монотонно, как маленькие маятники.

– И чего там видать? – спросил Грин.

– Сам погляди, – предложил эльф. – И ты, барышня, можешь полюбопытствовать, если пожелаешь. Есть что посмотреть.

Грин приблизился, за ним и Илаке. Парень навидался таких картин несчитано-немерено, а вот девушку сразу вывернуло наизнанку. Рой сине-зеленых мясных мух вился над тем, что осталось от семьи крестьян-переселенцев. Мужчину зарубили сразу, начисто снеся голову. Ему просто чудо как повезло. Над его домочадцами измывались дольше, насиловали женщин, невзирая на то, что старшей было крепко за шестьдесят, а младшей едва-едва пятый год пошел, резали уши и нос мальчишке-подростку, порубили на куски молодого парня.

– Вот ироды... – вздохнул Грин, сделав обеими руками знак оберега. – Совсем звери. И малую не пощадили... И чего делать станем?

– Ничего, – отрезал эльф.

– Может, закопаем?

– А кто копать будет? Ты? И чем?

– А может, вы... ну, как тогда... ну, в лощине.

– Нет.

Илаке подняла залитое слезами лицо. Красная от рвотных позывов, ошеломленная нечеловеческой жестокостью, до смерти перепуганная, она дрожала осенним листочком на холодном ветру.

– Это... вы специально? Для меня?

– Смотри, догадливая, – хмыкнул Ириен. – Нет, но тебе тоже полезно взглянуть. Смерть, она и такая бывает. Кому-то забава, кому-то мука. И заметь, ни капельки красоты и величия. Ладно, нагляделись – и будет. Возвращаемся, пока мухи нас самих не сожрали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.